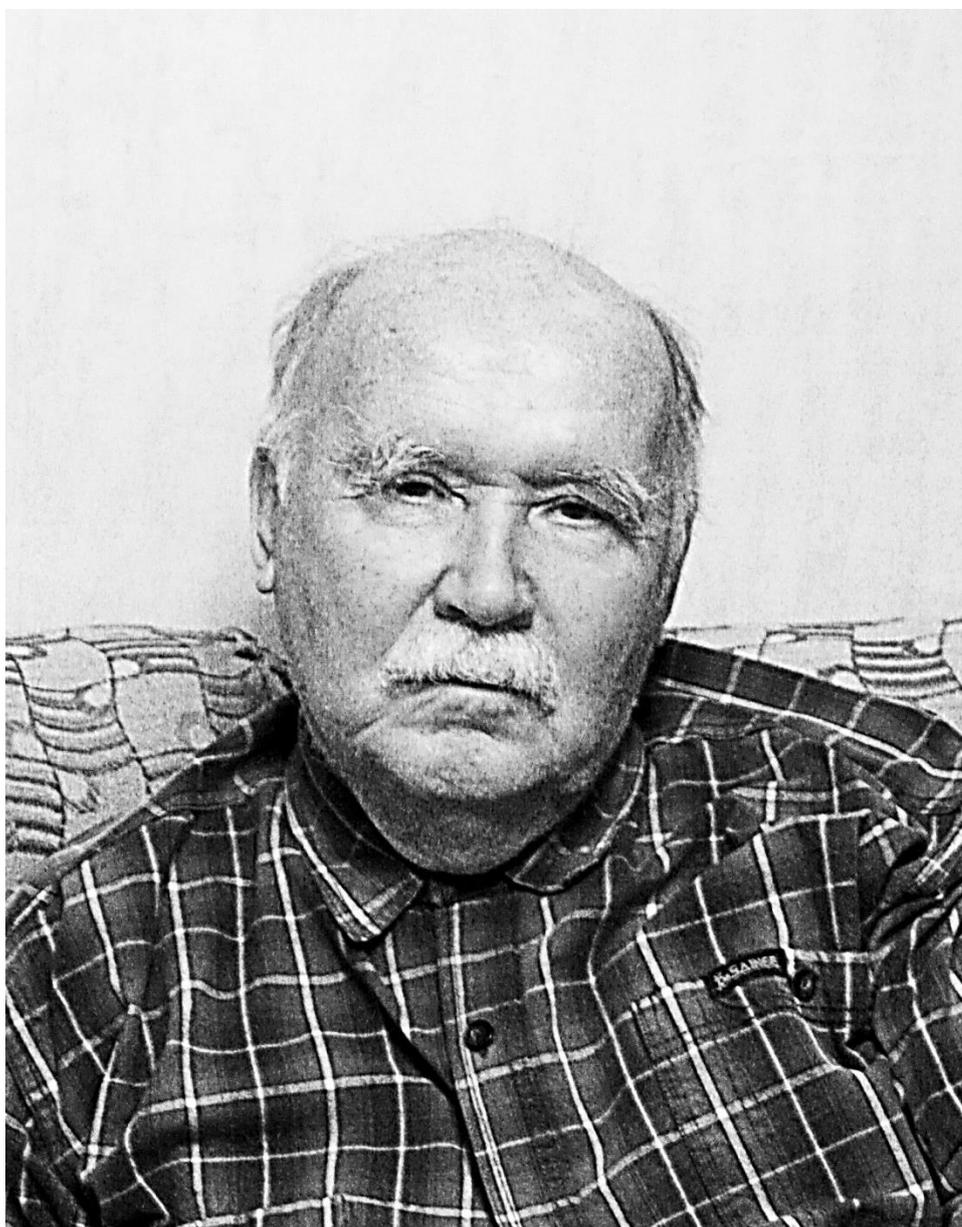

1.
«КАК ЖЕ ЖИТЬ?»
ЗАВЕЩАНИЕ МАСТЕРА ¹

*Формозов А.А. Записки русского археолога (1940 – 1970-е годы) /
Текст кн. подг. к изд. М.К. Трофимовой. М., Гриф и К, 2011. 290 с., илл.*

*Александр Александрович Формозов накануне своего 80-летия.
Фото из семейного архива.*

---

¹ Ранее опубликовано: Щавелёв С.П. «Как же жить?» Завещание мастера (Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). Текст кн. подг. к изд. М.К. Трофимовой. Москва: Гриф и К, 2011. 290 с., илл.) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест. 2016. № 1. С. 347–364. Здесь перепечатывается с некоторыми добавлениями.

*«Я в свою ходил атаку,
мысль одна владела мной —
слажу с этой,
так со всякой
сказкой слажу я иной.*

*Не держи теперь в секрете
ту ли, эту к делу речь.
Мы с тобой на этом свете:
хлеб-соль ешь, а правду режь.*

*Я тебе задачу задал,
суд любой в расчёт беря...»*

*А.П. Швардовский.
Пётрkin на том свете.
1954–1963 годы.*

Прошло немногим больше года с момента кончины Александра Александровича Формозова (30 декабря 1928 – 31 января 2009) как увидела свет эта книга воспоминаний известного учёного. Она построена не типично для мемуарной литературы академического круга. Это и не сборник разновременных эссе, и не подённые записи многих лет, и не разом выплеснутые на бумагу воспоминания обо всей прожитой жизни. Перед нами мемуары, написанные по-особому. Впрок, в здравом уме и твёрдой памяти, ещё не повреждённой инсультом или инфарктом. Вдумчивому читателю станет ясно, что этого мемуариста всю сознательную жизнь больше интересовало не то, чем он занимается в профессии и в остальной жизни, а то, как он это делает, да ещё по сравнению с другими.

Здесь три части. Первая — «Мой путь» — представляет собой собственно автобиографический связный рассказ: проникновенные портреты родителей; рассказ об учёбе и выборе жизненного пути; работе в Академии наук; друзьях и недругах в академической среде; проблемах науки и культуры, интересовавших и мучивших автора. Часть вторая — «Портреты русских археологов» — снова откровенные характеристики тех коллег, с кем А.А. ближе всего сводила судьба, и кто оказал на его жизненный путь наибольшее влияние, как положительное, так и отрицательное. Третья часть — «Встречи и судьбы» — прямо продолжает галерею биографических очерков, только герои этого раздела обитали за пределами академической археологии, хотя и по большей части по соседству с нею на социальном плане. Кроме археологов, и в первой, и во второй, и в третьей частях охарактеризованы, либо затронуты довольно ёмко многие, причём ключевые в своих дисциплинах специалисты смежных отраслей знания — историки-медиевисты, антропологи, биологи, геологи, этнографы, литературоведы, искусствоведы, музейные работники, краеведы; наконец, администраторы

науки, её начальники в разные периоды советской и отчасти постсоветской истории.

Обложка воспоминаний А.А. Формозова, опубликованных согласно его завещанию посмертно.

Вся эта рукопись, к великой удаче читателей сравнительно быстро ставшая книгой, готовилась автором во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов, то есть примерно на середине его жизненного пути. Но с тех пор и до последних отрезков своей жизни, то есть почти 35 лет автор время от времени что-то дополнял и исправлял в ней. Хотя объём этих поправок по сравнению с исходным текстом невелик, но в целом ряде случаев они весьма существенны по смыслу. Так что перед нами мемуары, которые создавались автором как бы загодя, в момент его жизненного акмэ. В итоге же отразившие опыт всей жизни, от детских и юношеских лет вплоть до почти самого конца.

Такой вариант «воспоминаний впрок» предусмотрен художественной литературой. Вот фрагмент одного из романов фантазийной саги Анджея Сапковского. Там «мимоарии» загодя сочиняет поэт и музыкант виконт де Леттенхоф, в миру Лютик.

«... Лютик, не мучай нас. ... Раскрой, что пишешь?»

– Мемуары.

– Чего-чего?

– Из сих записок, — Лютик продемонстрировал набитую бумагой тубу, — возникнет труд моей жизни. Мемуары, называемые "Пятьдесят лет поэзии".

– Вздорный и нелепый труд, – сухо отметил Кагыр. – У поэзии нет возраста.

– Если всё же принять, что есть, – добавил вампир, – то она много древнее.

– Вы не поняли. Название означает, что автор произведения отдал пятьдесят лет, не больше и не меньше, служению госпоже Поэзии.

– В таком случае это ещё больший вздор, – возразил ведьмак. – Ведь тебе Лютик, нет и сорока. Искусство писать тебе вбили розгами в задницу в храмовой инфиме в восьмилетнем возрасте. Даже если ты писал стихи уже там, то ты служишь своей госпоже Поэзии не больше тридцати лет. Но я-то прекрасно знаю, ибо ты сам не раз об этом говорил, что всерьёз рифмовать и придумывать мелодии начал в девятнадцать лет, вдохновлённый любовью к графине де Стэль. И значит, срок твоего служения упомянутой Госпоже, друг мой Лютик, не дотягивает даже до двадцати лет. Тогда откуда же пятьдесят лет в названии труда? Может быть, служение графине засчитывается как год за два? Или это метафора?

– Я, – надулся поэт, – охватываю мыслью широкие горизонты. Описываю современность, но заглядываю и в будущее. Произведение, которое я начал создавать, я намерен издать лет через двадцать–тридцать, а тогда никто не усомнится в названии данного мемуарам заглавия.

– Ага, теперь понимаю. Если меня что-то удивляет, так это твоя предусмотрительность. Обычно завтрашний день тебя интересовал мало.

– Завтрашний день меня по-прежнему мало интересуется, – высокомерно возвестил поэт. – Я мыслю о потомках. О вечности!

– С точки зрения потомков, – заметил Регис, – не очень-то этично начинать писать уже сейчас, так сказать "на вырост". Потомки имеют право, увидев такое название, ожидать произведения, написанного с реальной полувековой перспективой, личностью, обладающей реальным полувековым объёмом знаний и экспериенции.

– Человек, экспериенция коего насчитывает полвека, – резко прервал Лютик, – должен по самой природе вещей быть семидесятилетним дряхлым дедом, с мозгом, разжиженным склерозом. ... Я такой ошибки не совершу, напишу свои воспоминания раньше, пребывая в расцвете творческих сил. Позже, перед тем как издать труд, я лишь введу небольшие косметические поправки.

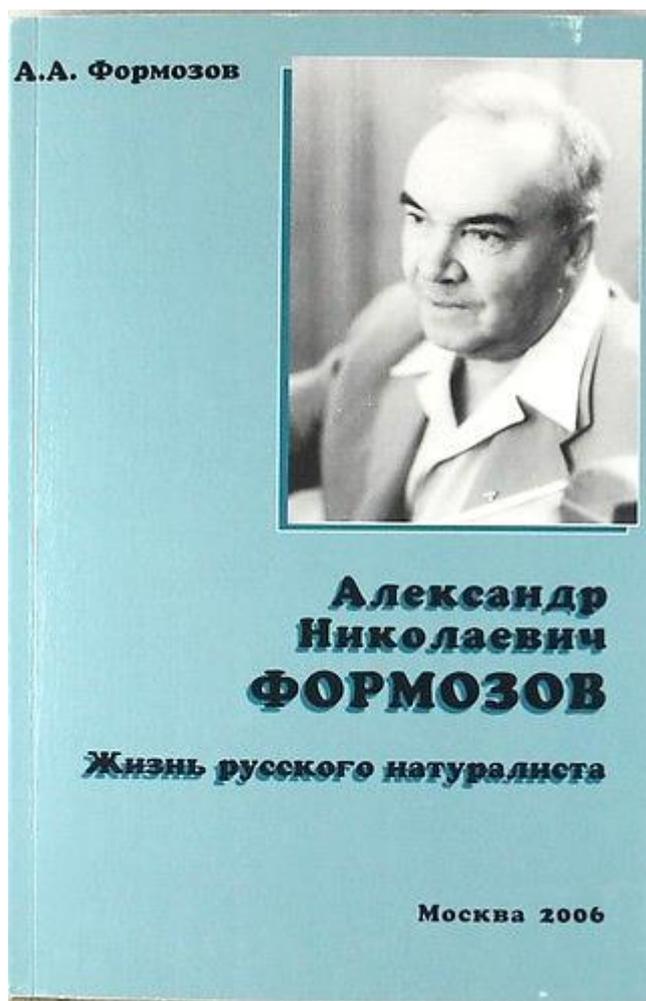
– В этом есть свои достоинства. ... Да, Лютик, небольшое замечание: "Полвека поэзии" звучит, на мой взгляд, лучше, чем "Пятьдесят лет".

– Не возражаю. – Трубадур склонился над листком, почеркал по нему свинчаткой. – Благодарю, Регис. Наконец хоть что-то конструктивное»².

Как говорится, «сказка — ложь, да в ней намёк...»

---

² Сапковский А. Башня Ласточки. М., 1998. С. 100–103.

*Обложка второго издания книги
(первое, 1980 года, сильно пострадало от советской цензуры) —
с восстановленными фрагментами,
посвящёнными борьбе А.Н. Формозова с лысенковщиной в русской биологии.*

Скорее всего, на хронологию подготовки этих мемуаров прямо или косвенно повлиял пример отца мемуариста, выдающегося русского зоолога и писателя-анималиста Александра Николаевича Формозова (1899–1973), во вторую половину своей жизни поэтапно терявшего интерес и силы к творчеству³. Причём наш археолог изначально предназначал свои «Записки»

---

³ «В близком возрасте — около сорока лет — пережил слом и его отец», то есть дед автора воспоминаний (Формозов 2006: 144). Период 1945–1962 годов в жизни отца А.А. назвал в его биографии «Кризис», а заключительный — 1963–1973 — «Закат». Досрочный, а то и нелепо ранний уход из бурно начатой творческой деятельности мемуарист отмечает у целого ряда своих предшественников и современников. И у себя самого: «... Не достигнув и тридцати лет, я уже пал духом: мой интерес к науке ослабел, всякая работа казалась бессмысленной» (С. 22 «Записок». Здесь и далее цитаты из них даются цифрой страницы в круглых скобках). Следующие кризисы отмечаются мемуаристом на более поздних жизненных рубежах собственной биографии. Но опыт отца, деда и других предшественников не прошёл для него даром. Он придумал для себя

для посмертной публикации, вполне сознавая спорность и неврогенность многих своих выводов и оценок. Мои попытки выпросить у него заветный текст для компьютерного набора успехом не увенчались, хотя перед тем мы издали в Курске несколько его принципиальных рукописей (Формозов 2004; 2008; Щавелёв 2006), как теперь выяснилось, в том числе и приложения к обозреваемым «Запискам»⁴. Теперь понятно, почему так получилось. Хотя и в прижизненных публикациях А.А. рассыпано немало острых, спорных и даже скандальных для кого-то сюжетов, суждений, оценок, степень откровенности итоговых «Записок» вовсе беспрецедентная.

На раскопе Авдеева Старого. Слева направо: М.Д. Гвоздовер, Ю.А. Липкин (в военной форме преподавателя суворовского училища), студент А.А. Формозов, начальник Деснинской экспедиции М.В. Воеводский.

рецепт творческого долголетия и обманул свою наследственность, от десятилетия к десятилетию меняя тематику научных занятий.

⁴ «Три статьи, которые я не смог в своё время опубликовать: "Заметки о русской интеллигенции 1920–1940-х годов" (2003), "Русская археология на грани XX–XXI веков" (1999) и "К спорам вокруг моих публикаций 2004–2005 годов" (2006)» (9).

Так что в каком-то смысле перед нами — настоящие мемуары. То есть правдивый рассказ обо всей жизни и обо всём существенном в ней, без оглядки на мнения окружающих, даже самых близких людей, тем более начальства. Опубликованные уже воспоминания некоторых других археологов из близких к формозовскому поколений более или менее удалены от идеала откровенности и объективности (Массон 1976; Молодин 2006; Кияшко 2007; Ковалёва 2008; Добролюбский 2009; Клейн, 2010; Мерперт 2011; Мурзин 2014). Они или слишком приглаживают память, игнорируют все негативные, драматичные её моменты (как у Н.Я. Мерперта), или драматизм, жизненные противоречия воспроизводят, но некритически — исключительно со своей точки зрения, никогда не сомневаясь в её правоте (как у Л.С. Клейна). У одного, получается, противников, врагов за почти век не было, все друзья, все выдающиеся (даже собственные внуки), а у другого, наоборот, все мало-мальски крупные персонажи выходят более или менее противниками, недоброжелателями, да и в науке чего-то недоделавшими. В рецензируемых же записках А.А. Формозова, на мой взгляд, баланс тех и других — апостолов и злодеев, так сказать; плюсов и минусов, обвинений и покаяний — выглядит убедительнее. Фигура каждого персонажа, основные «узлы» биографии даны стереоскопически, полихромно. Включая самого мемуариста, что самая большая редкость.

Как и положено любой мемуарно-аналитической книге, эта вызовет немало возражений и недоумений. Отметём в сторону не глядя обиды мелкого честолюбия. Отдав должное персонализированной истории гуманитарной науки без оглядки на чужие мнения, попробуем выделить возможные претензии концептуального уровня. Даже не претензии, наверное, а сомнения, размышления в связи с поднятыми мемуаристом темами, его вариантами решения вечных проблем науки и жизни. Принципиальными вопросами, которые А.А. как бы задаёт нам теперь с того света. Разделяя и от всей души поддерживая большинство его суждений, некоторые из них я попробую осторожно уточнить. Постараюсь поглядеть на них с разных сторон, в том числе с тех, что моему учителю были откровенно малосимпатичны, органично чужды.

Критика археологического разума

«Все думают, что я комнатный... Думают, что я интеллигент из Шпенглера, обречённый на вымирание в силу своей утончённости... Я — нового типа интеллигент. Я даю пищу для "Пробуждения Европы", которое ещё не написано... Я могу и ломиком трахнуть. И пока эта сволоочь будет хлопать глазами, не укладывая этого факта в своих мозгах, я ещё добавлю».

*В.Д. Дудинцев.
Белые одежды.
1957 год.*

Главное для автора и, следовательно, для читателя этих воспоминаний: ни тот, ни другой не должен думать, что он — единственный судия. А все прочие — подсудимые. Ко всем предъявляется общий нравственный счёт. Но это вовсе не означает, что итоговые оценки будут релятивизированы в духе «все мы тут бражники, грешники» или, как любил говаривать сам А.А., оспаривая этот тезис, «мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Нет, своих героев (каждый не без недочётов), как и своих идейных противников (все не без достоинств), мемуарист называет поимённо. И те, и другие, включая его самого, — только материал для науковедческих, культурологических размышлений, историографических обобщений, науковедческой аналитики. Выводов, освещающих читателю как прошлое, так и настоящее, а то и будущее науки и культуры.

Повторю, что беспощадно относясь к своим идейным и моральным противникам, научным и жизненным антиподам, автор «Записок» не щадит и самого себя. Когда в начале 1990-х годов он принёс в дирекцию родного Института археологии рукопись будущей книги по истории советской археологии, то тогдашний его директор отказался её публиковать. «Вы, Александр Александрович, — заявил он, — в своей работе негативно отозвались о тридцати девяти археологах, многие из которых живы, здоровы». «Нет, — ответил Формозов, — ваш подсчёт неверен, — о сорока, потому что и сам себя я оцениваю во многом негативно». Невиданная в академических да университетских кругах откровенность и резкость суждений А.А. Формозова-историографа уже при его жизни неоднократно вызывала ответную реакцию задетых им лиц и особенно их присных. Практически все коллеги читали эти журнально-книжные распри (в которых поучаствовал и Л.С. Клейн со своим пресловутым «ответом профессора сыну профессора»). Не отвлекаясь на всю эту, что называется, «пену (минувших) дней», проследим в основном концептуальные моменты идейного завещания маститого археолога.

Типы и виды учёных-гуманитариев

*«Душа моя, печальница
О всех в кругу моём».*

*Б.А. Пастернак,
Душа.
1956 год.*

Классификация коллег осуществлялась А.А. по разным признакам. В-первых, он разносил персонажей своего анализа по самым распространённым в науковедении таксономическим «полкам»: эмпирики, фактологи — с одной стороны; и теоретики, способные к обобщениям, философскому анализу своего материала, — с другой. Далее, по тому, как учёные относились к государственным властям, руководителям своих научных организаций, коллегам и ученикам. И наоборот, каковы были эти самые начальники, «генералы» от советской археологии. А также в связи с тем, какого стиля работы коллеги придерживались — размеренного или «запойного»; как распределялась их работоспособность по ходу академической карьеры. Одним хватало творческого «завода» на всю жизнь, другие охладевали к науке рано или поздно. Из этих охладевших одни честно прекратили печататься и выступать, а другие, исчерпав запас идей, продолжали повторять одно и то же с трибун и в печати под разными соусами.

Те или иные фамилии зачислялись в ту или иную рубрику (скажем, приспособленца, карьериста; либо диссидента, борца; либо нейтрала, завсегда «болота»; либо перебежчика из одного лагеря в другой; либо ошалевшего от всех этих жизненных сложностей слабохарактерного бедолаги) в соответствии с поступками, линией поведения каждого. Особо оговаривались персональные казусы промежуточного, дрейфующего от того или иного морального полюса типа. Наконец, подчёркивалась безмерная сложность и тех, и других, и третьих, и всяких прочих оценок; отсутствие безусловных критериев любого жизненного выбора.

Среди прочих критериев группировки субъектов научного исследования мемуарист считал главным, мне думается, такой, как способности к творческому осмыслению собираемого эмпирического материала. То есть в какой степени учёный становится творцом, как бы инженером-конструктором нового знания, а в какой остаётся стандартизированным эмпириком, ремесленником. «Ремесленники нужны науке. Их работа, сделанная по одному фасону, рано или поздно кому-то пригодится. Но голое описание или [даже] классификация материала и наука — отнюдь не синонимы» (46).

Как вы думаете, в какую рубрику Александр Александрович зачислял сам себя? Оглядываясь на пройденный путь, он с горечью признавал: «В моих сочинениях нет основного — мысли, хотя есть неплохие наблюдения» (46). Вот вам и безжалостный судия. Самого себя. Это-то, как

видно, и раздражало «ничтожество и отпетую сволочь» (44), прикипевших к науке. Те соображали: «Если он, автор стольких и таких книг, так низко сам себя ценит, то где мы тогда находимся по его шкале?» А там и находитесь, куда вас отнёс зоркий и правдивый мемуарист.

Как вы полагаете, какой социально-психологический тип более всего ненавистен мемуаристу? Нет, не добровольные палачи своих коллег и приятелей в годы репрессий и проработок. И не самодуры начальники, которые неожиданно отказывались «публиковать ту или иную мою статью и отменяли мою экспедицию», — вспоминает ветеран археологии. — «Параллельно поощрялись абсолютные дилетанты, не умеющие ни копать, ни работать с источниками. И всё это не получало никакого отклика. И хорошие, и плохие книги ждал один и тот же приём — безразличие. Хуже этого ничего быть не может. Уж лучше резкая полемика и открытая борьба» (81–82). Так что в глазах Формозова хуже всех — равнодушные. «О, это болото, эта золотая середина — неисчерпаемый резервуар потенциальных предателей!» (82).

По молодости А.А. делил своих коллег на способных и неспособных. А с годами стал делить на честных и нечестных, «причём честная посредственность предпочтительнее самого одарённого жулика» (64). Этот вывод урезонивает тех, кто обвинял А.А. в снобизме, высокомерии по отношению к «рядовым труженикам», провинциалам, научным сотрудникам женского пола и прочим «жертвам беспощадного судьи», каким его клеймили задетые разоблачениями коллеги. И тех, кто подчёркивал отдельные моменты великодушия и конструктивные инициативы со стороны самодуров-начальников, ни за что, ни про что погубивших немало честных учёных. И тех, кто всегда и везде молчит, благоразумно пережидая любые угрозы своим ближним — лишь бы они не касались самого меня, любимого. То есть ханжей, демагогов и трусов, каковых немало в любом профессиональном цехе, а не только в академическом или в университетском коллективах.

Но влияние «болота» даже в самые тяжёлые для учёных времена не было всесильным. И в этих мемуарах, и в предисловиях ко своим так и не изданным трудам Александр Александровичи скрупулёзно перечисляет поимённо всех тех коллег — научных сотрудников, редакторов и других издательских работников, чиновников разного ранга — кто помогал или пытался помочь ему реализовать те или иные проекты. В одних случаях получалось преодолеть бдительную цензуру или сопротивление предвзятого начальства, а в других нет, но своей ценности в глазах мемуариста такая бескорыстная солидарность не теряла.

Галерея социально-психологических портретов учёных

*«Он знал их всех и видел всех почти...
Что за чудесный фейерверк имён!
Какую им победу отмечала
История?»*

...

*Он знал их всех, Он говорил о них
Своим ученикам неблагодарным,
А те, ему почтительно внимая,
Прикидывали: есть ли нынче спрос
На звёздный блеск? И не вернее ль тусклость
Акафистов и гимнов заказных?»*

*И он умолк, Оставил для себя
Воспоминанье о созвездьи чудном,
Вовек неповторимом...
Был он стар
И грустен, как последний залп салюта».*

*Г.А. Шенгели.
8 ноября 1955 года.*

Собственно автобиография составляет только первую треть текста «Записок». Остальные две трети — портреты русских учёных, почти всех из которых автор близко знал. Первую группу составляют археологи старшего для мемуариста поколения. Отдельных очерков удостоены следующие научные работники.

Пётр Петрович Ефименко (1884–1969), которого «коллеги не любили, но относились к нему с искренним уважением» (95).

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943) с его «редкой одарённостью», «колоссальной жизненной силой», но и «авантюризмом, делячеством» (115–116).

Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958) — любимый наставник автора и в профессии, и вообще в жизни; «за 59 лет жизни сделал столь много, что имя его не забудется. Но такому яркому и одарённому человеку полагалось совершить гораздо больше. Виноват ли он в этом?» (126). Ведь он «не был способен к ни компромиссам, ни к борьбе без перчаток, мучительно переживал хамство со стороны коллег и их издевательства над наукой...» (125).

Павел Иосифович Борисковский (1911–1991) — «скучный машинообразный субъект» (118), «типичная учёная бездарность, зицпрофессор, добившаяся успеха только прилежанием и усидчивостью» (127); хотя «честный человек, добросовестно работавший над коллекциями, относительно терпимый к критике», но «образчик процветающей

посредственности, ... получивший то, что [власти и коллеги] сделали недоступным талантам» (131) вроде Замятина или Бонч-Осмоловского.

*А.А. Формозов в Костёнках, 1953 год.
Фото с сайта archeologija.ru*

Александр Николаевич Рогачёв (1912–1984), который «даже в старости оставался предельно серым человеком, говорил "лабалатория"», но был «человек не без способностей, продиравшийся сквозь завалы книг и коллекций с великим трудом, но порой доходивший своим чернозёмным умом до чего-то стоящего» (127); с успехом использовавший свой фронтальной опыт при разведках таких палеолитических стоянок, которых не увидели на местности многие его вполне культурные предшественники; «неумение чётко выразить свои мысли и вообще говорить по-человечески очень мешало Рогачёву, но все-таки он победил в неравном бою» (134) с Ефименко и Борисовским за признание локальных вариантов палеолитической культуры.

Алексей Петрович Окладников — главный антипод мемуариста и в науке, и в жизни. «... Человек, блестяще одарённый природой, достиг громкой известности и всех возможных у нас почестей, но, подчинив свой талант ненасытному честолюбию, конъюнктурщине и дешёвой

сенсационности, принёс, на взгляд мемуариста, — больше вреда, чем пользы» (136).

Вторую группу портретов мемуарист посвятил своим московским коллегам-археологам, что были ближе ему по возрасту и археологическим занятиям. Среди этих последних в особый раздел выделены слависты, поскольку их древности располагаются рядом с обычной историей, построенной на письменных источниках (которыми А.А. Формозов всю жизнь активно интересовался, но почти не затрагивал в своих публикациях). И там, и тут — тоже цепочка очерков, только поменьше объёмом.

Сергей Владимирович Киселёв (1905–1962) — едва ли не единственный среди археологических начальников, о котором мемуарист пишет с симпатией и уважением. «Умный ученик Городцова». Именно он, по наблюдениям Формозова, нашёл методические пути от вещевых коллекций к древней истории того или иного региона (хозяйство, общество, идеология здесь по археологическим данным в отдельные эпохи древнейшего прошлого). Административная карьера и Киселёву не дала раскрыться в науке полностью, но сделанное им добротное, «да и конкурентов он не изничтожал» (153) не в пример Окладникову да Рыбакову.

А вот *Евгений Игнатьевич Крупнов* (1904–1970) — один из самых антипатичных по тупости и невежеству персонажей «Записок». Фактов, эпизодов тому приведено в «Записках» предостаточно. «Глупый ученик Городцова».

С искренней приязнью выписаны портреты учёных дам *Татьяны Сергеевны Пассек* (1903–1968) и *Марии Евгеньевны Фосс* (1899–1955). Первую за величавую статью прозвали «советской княгиней», а в лице второй мемуарист видел толстовскую княжну Марью. Высоко оценивая обеих как исследовательниц, Формозов выделяет Марию Евгеньевну, жизнь которой оборвалась на взлёте, в начале нового этапа исследований, а вот Татьяне Сергеевне перед уходом уже нечего было сказать.

Александра Яковлевича Брюсова (1885–1966) аспирант Саша Формозов не любил, в чём и признается ещё раз в «Записках». Почти весь формозовский очерк о нём мы с С.В. Кузьминых процитировали в послесловии к изданию брюсовских воспоминаний (Брюсов 2012). Выполнен этот очерк в тёмных тонах, но отмечают и некоторые (не все возможные, на мой взгляд) заслуги «Александера» (литературный псевдоним младшего брата Валерия Брюсова), начиная со смелой защиты локальных культур в палеолите. Это было непросто в условиях засилья социологизаторов от советского марксизма, таковые отрицавших.

Раздел «Слависты» открывается колоритной фигурой *Артемия Владимировича Арциховского* (1902–1978). Он прямой учитель Формозова и по университету, и по институту. По сравнению с предыдущими очерками автора о нём (из книг про московских археологов) в «Записках» прибавилось упреков — в соглашательстве с людоедской политикой начальства, неполной

реализацией себя в науке. Но и благодарность учителю в очередной раз выражена мемуаристом.

А.А. и в друзьях, и, конечно, особенно во врагах, научных антиподах, не нравилась эта черта: достигнув той или иной степени известности, заняв некие руководящие посты, почивать на лаврах, повторяться или откровенно бездельничать. Сам он с огромным трудом избежал этого наследственного искуса. Тот же Арциховский, вспоминал как-то в разговоре со мной А.А., приезжал сначала на одно из мест своей службы, на кафедру археологии МГУ, но как только лаборантки пытались что-то согласовать с шефом, махал руками, говорил: «Завтра, завтра, сейчас срочные дела в Академии». А переехав в академический институт, просматривал корреспонденцию журнала, а от всего остального отговаривался занятостью в университете. И так изо дня в день, год за годом.

Видимо, сознавая и за самим собой эту опасную склонность опускать руки в пору общественных и служебных неурядиц, А.А. не давал ей развиваться, и заставлял себя писать при любых обстоятельствах. В списке его публикаций нет пропущенных лет! С 1945-го по 2009-й, и ещё пару-тройку лет посмертно выходили его сообщения, статьи, тезисы, брошюры, монографии, сборники, словари и антологии с его участием. 65 лет на службе археологии!! При такой нелёгкой наследственности, при тяжёлых семейных обстоятельствах (чего стоили хотя бы долгие годы преданного ухода за обездвиженной матушкой); при равнодушном, как правило, отношении окружающих.

А вот портрет *Бориса Александровича Рыбакова* (1908–2001) столь же беспощаден, как и окладниковский. Чуть-чуть и у него было от доброго «доктора Джекиля», но гораздо больше от ужасного «мистера Хайда» (известных по рассказу Р.Л. Стивенсона). Свой похожий по объёму биографически-мемуарный очерк о Рыбакове опубликовал (сначала в сетевой газете «Троицкий вариант», затем в книжной истории русской археологии) Л.С. Клейн. Назвал его «Воевода советской археологии». В глазах Формозова, который куда дольше и ближе знал академика, отразился не мудрый стратег-воевода, а скорее фельдфебель-самодур. «Так и Рыбаков мечтал о бьющей ключом научной жизни ..., но при условии, что все будут ходить по струнке и не посмеют и пикнуть» (170).

Пётр Николаевич Третьяков (1909–1976) проделал едва ли не уникальный опыт ухода из науки на самый верх советской власти, в ЦК партии, а потом нашёл в себе силы вернуться в науку и добросовестно продолжить полевые и кабинетные занятия ею. Это высоко оценивается мемуаристом, хотя номенклатурное функционерство им же порицается, ведь оно подорвало незаурядные задатки этого исследователя.

Михаил Михайлович Герасимов (1907–1979), на взгляд мемуариста, «приспосабливался не к политическим лозунгам минуты, а к праздному любопытству мещанской аудитории» (178). Восстановление лица по черепу мало что добавляет к научным реконструкциям первобытности. Сделав такой

вывод, Александр Александрович игнорирует пользу от популяризации науки, которой он сам отдал щедрую дань. Но то, что Герасимов растерял многие свои находки с уникальной палеолитической стоянки Мальта, не ввёл их как следует в научный оборот, действительно по любым меркам непростительно⁵.

Подобной халатности в истории советской археологии мемуарист отмечает слишком много, чтобы ему могли это простить обиженные коллеги. Но с фактами не поспоришь. Возьмём отчёты о полевых исследованиях, чей каталог опубликован за 1945–1964 годы в четырёх томах (Научно-отраслевой архив... 2009; 2010; 2011; 2013). В схеме описания этих отчётов заключительный, шестой пункт отмечает место хранения накопанных по каждому открытому листу коллекций. Показателен процент формулировки «Сведений о коллекции нет». За 1945–1954 годы из 694 отчётов о раскопках нет сведений о местонахождении 286 коллекций (30%); 1955–1959 гг. из 830 — 467 (почти 46%); 1960–1964 гг. из 935 — 608 (около 60%); за 1965–1968 гг. из 778 — 428 (55%). Вот наглядное математическое выражение того падения нравов в советской археологии, против которого ратовал А.А. Формозов. Зачем мы столько копаем памятников старины на государственные деньги, если результаты раскопок пропадают неизвестно куда? Наверное, какая-то часть неведомых Институту археологии коллекций всё же где-то сохранилась, но как их найти будущим специалистам? Так что стоит отметить тех немногих археологов, все без исключения коллекции которых находятся в известных головному учреждению хранилищах. Среди таковых педантов сам А.А. Формозов и почитаемый им И.И. Ляпушкин.

Павел Николаевич Шульц (1900–1983) в формозовских «Записках» символизирует те жертвы, которые понесли столичного уровня честные специалисты. Их всюю выживали из науки тупые советские чиновники. Героя войны, партизана-инвалида, энтузиаста крымской археологии заставили вернуться в Ленинград, где ему оставалось лишь тосковать по любимой Тавриде.

Выше всех среди наших археологов-славистов старшего поколения мемуарист ставит *Михаила Илларионовича Артамонова* (1898–1972) и *Ивана Ивановича Ляпушкина* (1902–1968). Оба, что характерно, ленинградцы. И тот, и другой с честью выдержали самые тяжёлые годы политических проработок и теоретической реакции, гонения начальства, но никогда не поддались соблазну подольститься к власть предержащим, примкнуть к гонителям истины в науке. А главное — продолжали трудиться, несмотря ни

---

⁵ Среди рукописей А.А. Формозова, которые он не сумел опубликовать и сдал на хранение в Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, есть его работа на эту тему: «Материалы о раскопках палеолитической стоянки Мальта в 1928–1937 годах». Это обозрение сохранившихся в нескольких музеях и архивах вещей и документов из раскопок уникального памятника он подготовил для сводной монографии о Мальте, которая, к сожалению, до сих пор не состоялась. Мною эта рукопись А.А. Формозова подготовлена теперь к печати.

на что, и на шестом десятке лет сумели раскрыться как учёные с максимальной силой. Их экспедиции, коллекции, их монографии оказались самыми масштабными и долговечными. По ним будут учиться новые поколения археологической молодёжи, уверен мемуарист. Судя по моим наблюдениям за цитируемостью в научной печати и упоминаниями этих авторов на конференциях, ворчливый Формозов не ошибся в этом своём оптимистичном прогнозе.

Исключительно высоко оценивал мемуарист и фигуру *Александра Александровича Иессена* (1896–1964). В последнем интервью, что мне удалось взять у А.А. за месяц до его кончины, он посетовал, что не успел написать про него статьи (Щавелёв 2009: 437). «... Как ни уважали Замятнина и Иессена специалисты, начальство их недолюбливало. Оба они были беспартийные, чуждыми духу конъюнктурщины и рекламы, побывали за решёткой. За это и расплачивались. Со средствами на экспедиции и с печатью им фатально не везло, за границу их не выпускали, даже докторскую степень им не присудили, хотя в доктора проходят люди, сделавшие неизмеримо меньше» (62).

Ситуация, когда лучшие исследователи оттесняются карьеристами на задний план, не исключение, а скорее правило для отечественной науки советского (но не только) периода. «В МГУ до 1969 года профессорствовал *Борис Николаевич Граков* (1899–1970), в прошлом блестящий знаток античных и скифских памятников. В прошлом. Вынужденный уйти из Академии после конфликта с Рыбаковым, он быстро постарел, опустился, махнул на всё рукой» (62).

Как видно, за десятками разных по типу поведения коллег автор «Записок» прослеживает типичные варианты жизненного выбора в условиях революционной ломки российского общества. Вампиры и их жертвы, если делить по-крупному. Праведники, злодеи и компромиссники, если детальнее. Ну, и всегда остающиеся в меньшинстве подвижники, несмотря ни на что «высоко державшие знамя науки». Напомним, что в остальных мемуарах свидетелей той эпохи — «беззаветные герои все» подряд, как пелось в революционной песне.

Попутно с перечисленными фигурами упоминаются, так или иначе характеризуются десятки других учёных. Кто-то из них положительно, кто-то отрицательно, кто-то противоречиво.

Эту, вторую часть мемуаров заключает ключевой для автора *раздел «В поисках точки отсчёта»*. Здесь сконцентрированы его заветные, выношенные всей жизнью в науке выводы относительно того, как она должна быть организована, как нужно вести себя её служителям. Я ссылаюсь на эти наблюдения в заключение этой рецензии.

Последняя, *третья часть воспоминаний — «Встречи и судьбы»* — в наибольшей степени представляет собой дань памяти тем коллегам, которые, не принадлежа к одной с мемуаристом профессии, то есть не будучи археологами, оказались ему самыми близкими по духу, произвели

наибольшее влияние на становление его личности. Здесь прежде всего охарактеризованы два антрополога, по сути научных руководителя молодого Формозова на отдельных ступенях его творческого роста — *Георг(ий) Францевич Де(бец)* (1905–1969) и *Яков Яковлевич Рогинский* (1895–1987). Затем выдающиеся представители иных сфер советской культуры из разных поколений её представителей — искусствовед *Виктор Никитич Лазарев* (1897–1976), историк *Александр Александрович Зимин* (1920–1980), писатель и литературовед *Аркадий Викторович Белинков* (1921–1970) и популяризатор гуманитарной науки, историк по образованию *Натан Яковлевич Эйдельман* (1930–1980). Всех их А.А. любил, уважал, почитал. Об этом и ведёт речь, мимоходом замечая те или иные штрихи характеров каждого, что ему лично были далеки. Но эти упрёки ничуть не затемяют общей высокой оценки каждого — и научной, и личностной.

Продолжает третий раздел *очерк «Краеведы»*. Здесь автор резюмирует это общественное явление, в общем верно означая этапы его зарождения и изменения в нашей стране. На рубеже XIX–XX веков это были просвещённые чиновники, учителя, журналисты, офицеры, священнослужители, даже купцы, коммерсанты, мещане невысокого полёта и все прочие ценители местной старины, добровольно и бескорыстно составлявшие на местах статистические да церковно-археологические комитеты, учёные архивные комиссии и тому подобные объединения. Я бы уточнил, что они тогда считали себя никакими не «краеведами» (это советский неологизм), но любителями истории, археологии, этнографии, археографии. Помощниками, сотрудниками университетских профессоров, членов Императорской Академии наук. Сейчас сказали бы — волонтерами. Перед нами яркое проявление того гражданского общества и демократического государства, что исподволь формировались в императорской России. С губернскими и даже уездными любителями древностей на равных взаимодействовали такие центры русской науки, как Императорская Академия наук, министерство просвещения, Археологическая комиссия при министерстве императорского двора, Императорские университеты, общенациональные учёные общества вроде Императорского Русского Географического, Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорского Московского Археологического общества, Императорского Русского Археологического общества, Археологические институты в старой и новой столицах и некоторые похожие инстанции.

После революции краеведное дело на несколько лет объединило остатки старой интеллигенции и кое-кого из пролетарских энтузиастов новой культуры. Разгром краеведческих обществ в СССР на рубеже 1920 – 1930-х годов в книгах и мемуарах А.А. Формозова прослежен по статистике репрессий против учёных и краеведов в Москве и Ленинграде, Белоруссии, ЦЧО-области (Формозов 1998: 191–206; Щавелёв 2007), некоторых других старинных городах России. А вот объяснения того, почему после

Отечественной войны краеведение по всей стране возродилось в упрощённом, карикатурном виде, у мемуариста частичные, поверхностные. Да, в Вятке был Е.Д. Петряев (1913–1987), в Курске Ю.А. Липкинг (1904–1983), в Брянске Ф.М. Заверняев (1919–1994), на Белгородчине в 1960 – 1980-е гг. А.Г. Николаенко и так почти по всем регионам нашей страны. Они, эти энтузиасты-одиночки, много сделали для изучения «своих» древностей, разведали и даже раскопали сотни памятников разных эпох, очень помогли профессиональным учёным из обеих столиц. Но и эти знатоки, кто больше, кто меньше, грешили дилетантизмом. Да и не могли они в одиночку заменить тот коллектив исследователей, который способен как-то контролировать состояние древностей на огромных просторах такой огромной державы. В общем, идеализировал А.А. советских краеведов всех поколений. Ждал от них большего, чем они могли дать. Видимо, по контрасту с нравами академического да университетского миров, которые он знал лучше провинциального мирка. А в провинции оказались те же противоречивые характеры — от подвижнических до жуликоватых — что и в столичных центрах. Если не хуже, потому что малограмотнее. Ведь эти советские, а теперь опять вроде бы российские «краеведы» в своей массе «гимназиев не кончали», кончали они советские педагогические да политехнические институты. Там не учили иностранным языкам, а историю преподавали КПСС. Так что на постсоветском пространстве краеведение, по крайней мере археологическое, практически закончилось. Время краеведов ушло. А хорошо это для древностей, или плохо, трудно сказать.

В качестве дополнений к воспоминаниям автор записал некоторые любопытные эпизоды детства и юности. В этом «Калейдоскопе» каждый из вроде бы случайно попавших сюда персонажей тоже, как и учёные, иллюстрирует многие социально-психологические типы людей разных поколений и общественных рангов. Эти немудрёные зарисовки нравов и быта поучительны — мало кто из творческих людей находит силы и время запечатлеть подобные коллизии своей повседневной жизни, а зря. Для модной сейчас истории повседневности требуются источники, среди которых на одном из первых мест — мемуары.

Что даёт наше университетское образование?

*«Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву».*

*Н.А. Некрасов.
Школьник,
1856 год.*

На исходе жизни Формозов благодарит нескольких своих преподавателей по историческому факультету МГУ за ценные уроки, но в целом оценивает уровень обучения там отрицательно. С 1950-х годов, когда он был там студентом, и до недавних пор, зная многих преподавателей и

слушая рассказы студентов нынешних. Суть претензий: вместо того чтобы учить мыслить, пичкают всё новыми порциями фактов; не дают философии и методологии профессии, лишь примитивную методику раскопок (и вообще эмпирических — полевых, архивных, музейных занятий). «... Университет представлял собой не что иное, как 11–15 классы средней школы. Здесь нам предлагали задолбить ещё сотни дат, имён, событий и совсем не объясняли, что же надо делать с этим сырым материалом специалисту» (43). Что уж говорить о провинциальных пединститутах, тоже именующихся теперь университетами. Таланты исследователя и педагога редко совпадают. Сам Формозов всю жизнь упорно отказывался от преподавания, хотя его неоднократно приглашали вернуться в *alma mater*.

Формозовские инвективы по адресу высшей гуманитарной школы, надо признать, во многом справедливы. Сужу об этом по собственным наблюдениям выпускника историко-педагогического факультета провинциального пединститута 1975 года, а также отца выпускника исторического факультета МГУ 2001 года. Ни там, ни там не учили палеографии, истории русского языка, архивистике и прочим специальным историческим дисциплинам. наших учителей всему этому учили, а они нас — нет. Так в позднем СССР «прервалась связь времён» в исторической гуманитаристике.

Но всё же, худо-бедно, штаты кафедр университетов, академических институтов, музеев как-то комплектуются; находятся для этого энтузиасты, более или менее способные, среди каждого нового поколения выпускников истфаков. Методику обращения с самыми разными историческими источниками, начиная с древних и экзотических языков, теперь предоставляет Интернет. А недовольство формозовского толка своими официальными наставниками не есть ли вечный синдром некоего неизбежного разрыва поколений? Не бросив вызова предшественникам, не пойдёшь дальше них... Просто в печати, на официальных трибунах учёные говорят о своих предшественниках и тем более сверстниках обычно только хорошее, оставляя недовольство ими же для частных разговоров. Против подобного двуличия и выступал всегда автор «Записок русского археолога».

Роль теории и методологии в специальной науке (той же археологии)

«В дружеской беседе среди близких приятелей подобные схоластические рассуждения не лишены привлекательности, но в Совете государей, где обсуждаются дела важные и с полным авторитетом, для них нет места. ... У государей нет места для философии.

— Да, — отвечаю я, — для той схоластической, которая считает, что она пригодна везде и всюду. Но есть и другая философия, более житейская, которая знает свою цену действия ... Вот её-то тебе и надо применять».

III. Мор. Утопия. 1516 год.

Мемуарист всю сознательную жизнь искал общую идейную основу своих историко-археологических штудий. Применительно к своему батюшке

Александр Николаевичу Формозову, признанному в мире соосновоположником биологической экологии, отмечал, что де тот «биологию и смежные науки знал хорошо, но, пожалуй, не искал и не вынашивал исподволь какую-то единую систему взглядов, некую философскую базу для всех конкретных исследований. Я чувствую, — признавался Александр Формозов, — что и в моих книгах и статьях недостаёт такой базы» (33). Хотя он и читал всю жизнь самых разных писателей и философов разных стран, народов и времён. Так, уже бывши под восемьдесят лет и увидав у меня биографию Мартина Хайдеггера, попросил почитать и потом к месту цитировал в своих последних статьях.

Узнал, какая у Формозова-археолога была мировоззренческая база, его ленинградский коллега и старинный приятель Лев Самуилович Клейн. Он объявил и его «теоретиком археологии» (Клейн 2014: 550). А в доказательство стал почему-то разбирать труды Формозова по истории науки. На мой взгляд, тут спутаны понятия. Прежде всего — теории и методологии. Теория, как известно, описывает и объясняет некий объект. А методология следит за работой субъекта и обобщает его опыт познания и действия. Одно дело идея (одна-единственная) локальных культур в палеолитоведении, развивавшаяся А.А. Это идея теоретическая, относящаяся к предмету изучения. К методологии, а тем более к историографии археологии, которой много занимался Формозов, эта идея прямого отношения не имеет.

Далее Клейном говорится о позитивистской установке Формозова. Это де основа методологии его, Формозова, мышления. Причём далеко не только его, но и абсолютного большинства российских археологов. По крайней мере, в той интерпретации позитивизма, что приводится Львом Самуиловичем в его биографическом очерке о Формозове. Но ведь теорию в клейновском её понимании они, практикующие археологи, в своём большинстве молчаливо игнорируют. Люди предпочитают работать по специальности, а не говорить о работе, каких-то её предпосылках. Точно так же Формозов несколько раз писал, что всякие модные словечки вроде «парадигмы», «гипертекста», «консеквенции» и тому подобные ничего не дают археологам-практикам. Это заумствование по части Л.С. Клейна и иже с ним. А что, разве не так?

В своё время А.С. Лаппо-Данилевский заставлял всех студентов-историков Петроградского университета слушать свой спецкурс по неокантианству. Они покорно ходили, но в мемуарах плевались, отреклись. Вердикт их был такой: «Заниматься методологией все равно, что доить козла» (Панеях 2000: 378). Поэтому, зачисляя Формозова в теоретики, да ещё позитивисты, мы в чём-то упрощаем его образ. Сам Александр Александрович себя теоретиком не признавал, хотя, сдаётся мне, и был им, только по-другому, чем это представляется Л.С. Клейну.

Философия археологии А.А. полнее всего выразилась в его неопубликованной при жизни, вышедшей посмертно работе — «Археолог о

первобытном обществе». Там он попытался резюмировать накопленные им самим и многими коллегами факты о первых эпохах человеческой истории и на этой основе выявить общее и особенное в разных регионах развития человечества, звериное и социокультурное, людоедское и гуманное в людской природе, нащупать линии преемственности между дописьменной преисторией и русским Средневековьем. Поиски «гуманитета» и призывы к общечеловеческим ценностям не могли найти поддержку у советской цензуры, поэтому эта книжка в своё время не состоялась, автор передал её машинопись в Научно-исследовательский архив Института археологии. Мне довелось подготовить её к печати, причём в весьма престижном журнале петербургского Института истории материальной культуры ⁶. После этой публикации и станет, я надеюсь, ясно, кто был истинным философом археологии — Лев Самуилович Клейн или Александр Александрович Формозов.

Скажу больше, при всём моём (как выпускника философского факультета ЛГУ имени А.А. Жданова) интересе и уважении и к теории, и к методологии, и особенно к истории науки, нельзя не заметить их объективного вреда для той же полевой и кабинетной археологии. У нас масса ненайденных и нераскопанных объектов старины, у нас множество раскопанного материала лежит не то что неизданным, но даже не обработанным, не законсервированным, не музеефицированным. Специалистов, могущих и призванных выполнять эту научную и музейную работу, наперечёт. Так нет же, многие из них всё чаще и плотнее занимаются историографией. А не то ещё и «теорией». Как правило, не связанной прямо с их научной тематикой в археологии. Как выразился кто-то из зарубежных коллег, это всё равно, чтобы часть футболистов переместилась бы с поля на трибуны и взялась комментировать игру тех немногих, кто ещё сам играет в футбол... Этот «ларчик открывается просто»: по истории науки защитить диссертацию куда легче, нежели по археологии того или иного культурного горизонта некоего региона. Вот их и защищают ежегодно по нескольку, перенося формозовскую или мою периодизацию на «свой» регион.

К теоретической базе формозовских работ по истории науки я бы отнёс его идеологические предпочтения — наследника русской разночинческой интеллигенции, демократа и патриота (без всяких кавычек для этих публицистически замусоленных ярлыков). Подробнее я пытаюсь об этом говорить в своём отзыве на книгу А.С. Смирнова (Щавелёв 2012). Она выполнена с других идейных позиций, которые Формозов вряд ли бы принял. Но между имперским и демократическим, консервативным и либеральным пониманиями патриотизма в гуманитарной науке скорее отношения

---

⁶ Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2019.

дополнительности, на мой взгляд, а не взаимного исключения. И эта вот идейно-теоретическая подкладка историографических исследований работает в них (отбор материала, оценки разных фигур), а не располагается отдельно, как у Л.С. Клейна (который вряд ли случайно так и не выпустил второго, обещанного тома своей «Теоретической археологии»).

Повторю и резюмирую немного по-другому. Формозов отнюдь не игнорировал, не третировал настоящую теорию, философию. Напротив, он всегда искал у других, мечтал сам проявить широкий взгляд на свой предмет, вслед за фактологическим и типологическим анализом дать глубокий синтез в той или иной области знания. Например, применительно к своему старшему другу искусствоведу Виктору Никитичу Лазареву он с «белой завистью» отмечал, что «его монографии касаются не частных вопросов, а самого главного для данной области знания. Они посвящены выдающимся художникам, важнейшим школам, памятникам первостепенного значения, узловым моментам развития культуры и не одной какой-то эпохи или страны, а по крайней мере четырём разделам истории искусств — византийской и древнерусской живописи, итальянскому Ренессансу и европейским мастерам XVI–XVIII веков» (197). Схожие восторженные оценки широте и глубине мысли у Формозова встречаются и применительно к А.С. Уварову, С.И. Вавилову, Я.Я. Рогинскому и некоторым другим учёным. Но только не применительно к научным фантастам типа Е.И. Забелина или Н.К. Рериха, Б.А. Рыбакова или А.П. Окладникова.

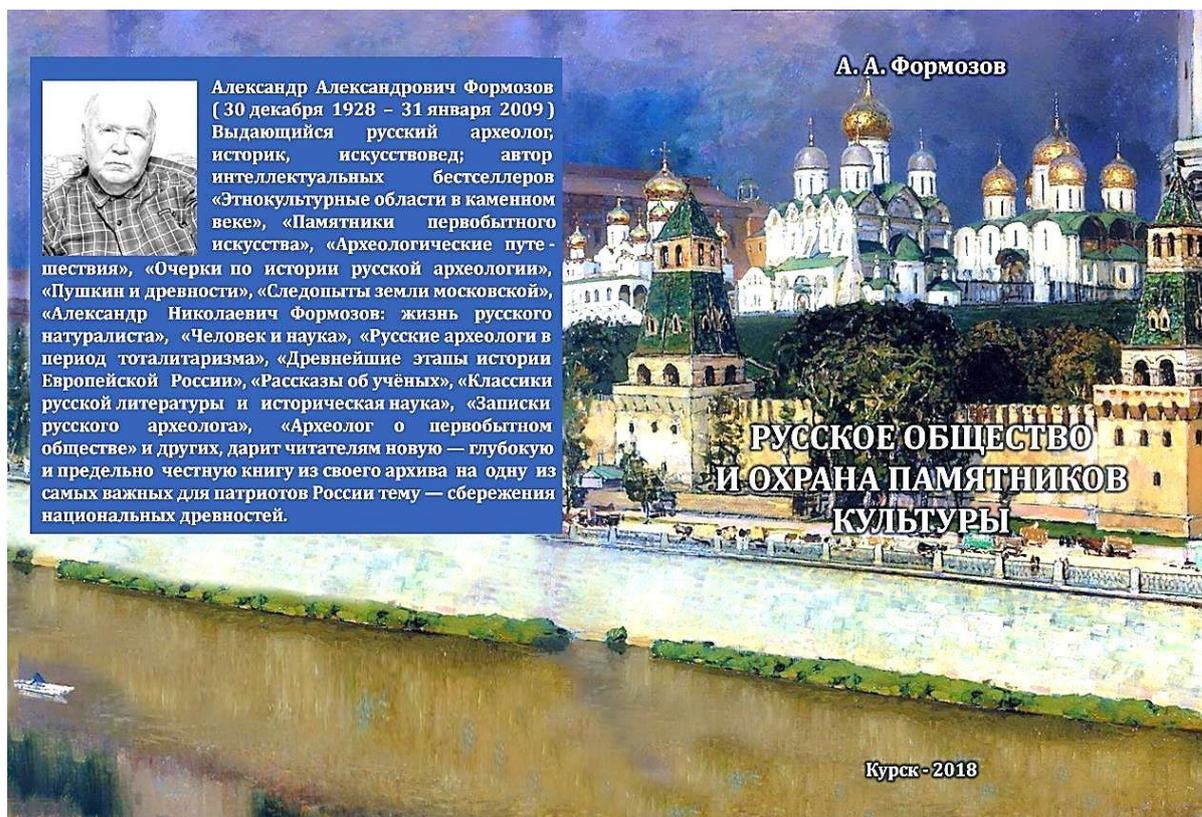
То есть Формозов мечтал о том, чтобы идеи великих философов, писателей, художников наводили учёных специалистов — археологов, историков, искусствоведов и прочих — на какие-то принципиальные обобщения, тотальные выводы из их собственного материала. Причём не узкоцехового, внутринаучного масштаба выводы, а проникающие также во вненаучное знание, то есть в духовную практику социума. «Надо искать выхода из лабиринтов книг и стеллажей с архивными документами и археологическими коллекциями к большим, волнующим всё человечество вопросам — этическим, эстетическим, философским» (83). Философия тут увенчивает результаты конкретно-научного синтеза. Связывает науку с остальной культурой, выполняя подсобную роль «строительных лесов» мысли и чувства. А у теоретиков уровня Л.С. Клейна, Я.А. Шера и их эпигонов эти «подмости» выставляются напоказ — теория предлагается только для самих же археологов, ограничивается их специфическим материалом. И отгораживает науку от культуры и просвещения, чего они сами никогда не признают, мня себя как раз культуристерами.

Столица versus провинция

*«Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва».*

*А.С. Грибоедов.
Горе от ума.
1824 год.*

В оценке соотношения столичных и провинциальных центров археологии А.А. несколько отстал от жизни. Справедливо ругая провинциалов послевоенных, да и многих последующих лет за серость и карьеризм, он не заметил, не захотел увидеть, что постепенно положение изменилось. По многим направлениям гуманитарной науки именно в провинции сложились ведущие в стране центры, с международными связями, передовыми по методике раскопками, возможными компьютерными программами, весьма качественными изданиями, интересными музеями. А столичные коллеги во многих отделах академических учреждений постарели, их деятельность поугасла, равноценной замены им не находится. То ли потому, что наука перестала привлекать молодёжь в кризисные 1990-е годы, то ли потому, что многие старики ревнуют к её успехам, подбирают в помощники и преемники серые кадры. Теперь во многих московских и петербургских экспедициях официальных начальников замещают выходцы из провинции. Они прекрасно подготовлены для работы в поле, для составления сложных отчётов, которые сегодня предельно компьютеризированы. Столичную же молодёжь в науку (тем более такую хлопотную, как археология) тянет меньше, есть более денежные да «прикольные» занятия. А у провинциалов — здоровое честолюбие, завидная энергия, да и подготовка теперь уже на должном уровне. В конце концов, родители самого А.А. доказали это в экспериментальном порядке, перебравшись из провинции в столицу и преуспев там. А сегодня о том же свидетельствует масса поклонников Александра Александровича, соавторов трёх сборников в его честь, большинство из которых — сегодняшние или вчерашние провинциалы (Проблемы... 2004; Невский археолого-историографический сборник 2004; Человек и древности... 2010). Интернет, международные контакты, кадровая мобильность доламывают барьеры между столицей и провинцией. Да и сам же А.А. своими публикациями, консультациями, почтовой перепиской сформировал целую сеть специалистов по историографии из Петербурга, Муром, Вятки, Воронежа, Саратова, Курска, Омска, Красноярска, других региональных центров. Вот вам и провинция...

Обложка посмертного издания (первого полного) одной из главных для А.А. Формозова его книг.

Социальное происхождение учёного

«Мне дела нет, — заявил отец, — до их выдумок в герольдии. Я кавалерийский офицер и потому потомственный дворянин».

*А.А. Фет.
Мои воспоминания.
1890 год.*

Поблизости от обозначенной дилеммы «столица / провинция» в науке и культуре располагается *вопрос о социальных корнях претендентов на звание учёного*. Наблюдения Формозова по этому поводу противоречивы. Он то хвалит преуспевших в науке выходцев из крестьян И.И. Ляпушкина и А.Н. Рогачёва, то ругает «сына мясника» академика В.П. Алексеева и сына «провинциального адвоката» академика А.Л. Яншина; то восторгается упорством своих родителей, сумевших за несколько лет получить в столице образование и утвердиться на высотах науки; то не одобряет своего же отца, стремившегося привлечь в ученики и сподвижники рабфаковцев, бывших красноармейцев да чекистов.

Мне кажется, тут надо понять А.А. таким образом. Конечно, в среднем, в целом лучшие исследователи получаются из тех, кто воспитан в интеллигентных семьях. «Отнюдь не всё равно, слышит ли ребёнок изо дня в

день об университете, науке, книгах и экспедициях, или о шифоньерах, отрезах, блате и взятках» (11). Недаром говорится про три университета, которые нужны для выделки интеллигента — высшую школу должны были пройти ещё твой отец и дед. И всё же из этого правила имеются исключения, порой довольно многочисленные. Тут всё дело в способностях и упорстве выскочки из общественных низов на вершины науки и культуры. И в его ценностных приоритетах: знания в первую очередь или только служебная карьера? В тех же самых «Записках» А.А. содержатся яркие примеры того, как морально «скурвливались» не только дети купцов да лавочников, но и учителей или академиков. Среди его однокурсников один потомок родовитой княжеской фамилии казался мемуаристу пустым местом, а другой по происхождению тоже князь-рюрикович стал его другом, безотказным рецензентом его трудных для советской цензуры книжек. Так что никакого «социального расизма», даже московского снобизма в этих «Записках» вы не найдёте.

Долой феминизм!?. О месте женщин в науке

*«Почему пошла ты в проститутку?
Ведь могла геологом ты стать,
Или быть водителем маршрутки.
Или в небе соколом летать.*

*В этой жизни есть профессий много,
Выбирай любую, не ленись,
Ты пошла неверною дорогой,
Погоди,
подумай,
оглянись!»*

*Игорь Иртеньев.
Камелия.
1986 год.*

*«Потому пошла я в проститутку,
Что могла твоей женою стать,
Иль женой водителя маршрутки —
Гладить, шить, готовить и стирать...»*

*Екатерина Войтович.
Ответ поэту-правдорубу И. Иртеньеву.
2000 год.*

Будучи счастливо женат на учёном с мировым именем — античнице Марианне Казимировне Трофимовой, А.А. не жаловал остальных коллег в юбках. Заметной частью академического балласта он считал «дам и мужчин дамского склада. ... Женская аккуратность и тонкая наблюдательность в лаборатории незаменимы. Но ... чаще всего дамы — узкие специалисты,

широкие горизонты и ясное представление о целях и путях науки им несвойственны. К тому же все проблемы и исследования значат для них куда меньше, чем семья, дом, любовь, дети. Женщины хороши в роли лаборанток, помощниц, сотрудниц ... Беда, если, как у нас в Институте, они составляют три четверти коллектива и в общественном мнении их голоса звучат громче всех. И авторы полезных сводок об античных клеймах или керамике какой-нибудь эпохи, и абсолютно бестолковые бабы стремятся к одному — тихо и спокойно возиться с закреплёнными за ними маленькими темами. Им невдомёк, почему кто-то чем-то недоволен и ратует за перемены. ... Естественно на этом фоне Окладниковы и Рыбаковы благоденствуют» (67).

Хотя для отдельных учёных дам А.А. делал исключение. Неизменно подчёркивал научные заслуги матери, Любови Николаевны, в девичестве Промптовой, химика и геолога. С восхищением писал он о своих наставницах Татьяне Сергеевне Пассек, а в особенности о Марии Евгеньевне Фосс, чьё учительство ершистый Саша Формозов благодарно принимал и буквально осиротел с её уходом. А вот среди ровесниц и младших поколений академических женщин мало кого признавал, печатно объявлял некоторых из них бездарностями и конъюнктурщицами.

Если отвлечься от персоналий, с отдельными (но далеко не со всеми!) из которых Формозов, наверное, переборщил, ругая их, то в целом оценить прекрасную часть учёных придётся противоречиво. Как известно психологам, гендерное распределение интеллекта в популяции асимметрично. Если гениев среди прекрасного пола действительно немного по сравнению с полом сильным, то вот дураков явно больше, чем дур. Чтобы в этом убедиться, давайте поищем женщин среди нобелевских лауреатов. Давайте поищем зрелых мужчин среди лаборантов. Найдём и таких, и таких, но немного. Именно поэтому, а не по семейным обстоятельствам, в математике да теоретической физике дамам тяжелее, чем в археологии с её кропотливой камеральной, музейной нишей. Так что на ролях исполнителей, да ещё при дефиците мотивированных мужчин, слишком распространённом среди них алкоголизме, дамская часть историков, археологов, реставраторов, искусствоведов, текстологов, редакторов, корректоров, лаборантов, препараторов, архивистов, музейных хранителей, экскурсоводов, пресс-атташе, библиографов своё дело, как правило, знает и исполняет на совесть. Но зато и среди пробившихся на мало-мальски руководящие посты дам самозванок встречается слишком много. Толковая женщина профессор, заведующая сектором, директор — большая редкость, хотя и тут бывают счастливые исключения. Формозова тоже, очевидно, раздражала личностная, бытовая ангажированность увенчанных учёными степенями да званиями дам: быт, семья (а особенно её отсутствие), дети, внуки (тем более их отсутствие) часто теснят науку. Что уж тут поделаешь, надо признать это. Сильный и прекрасный пол в цивилизованном обществе юридически равны, но это равенство распространяется далеко не на все профессии. Пожалуй, это аксиома. И никакая эмансипация их не уравнивает. Недавняя попытка

гениального физика В.Л. Гинзбурга повысить процент женщин в Российской Академии наук отдаёт донкихотством.

Обойдённые пуритански настроенным мемуаристом социально-психологические аспекты присутствия и поведения женщин в лабораториях и на кафедрах рассматриваются другими авторами (См. прежде всего о сексуально-эротических ролях учёных разного пола: Родоман 2011; а о когнитивных различиях полов см. мою старую книжку: Щавелёв 1994: 101–109; и несколько новых компендиумов по гендерной биологии: Жуков 2014: 168–228).

Похоже, мой учитель всё-таки разглядел настоящую дилемму женщин, пошедших в науку. Ярче всего он показал эту коллизию на примере своей матери. Отметив её научные достижения, принёсшие ей кандидатскую и докторскую степени, уважение серьёзных академиков, с которыми она работала, сын отмечает, что «для неё самой, подобно большинству женщин, важнее всего были не поиски истины, а семья, дети, личная жизнь» (28). Получается, чем серьёзнее вклад дам в науку, тем меньше у них женственности, семейственности; и наоборот.

Напомню его же неподражаемое эссе на эту тему: «Бедная Маша!» «Сложнее с бездельниками — мудро предупреждал А.А. — В каждом научном учреждении таковых предостаточно. Все мы знаем типичные случаи: приходит в институт милая молодая женщина. Довольно скоро её жизнь в подробностях известна сослуживцам. Старики-родители болеют, получают маленькую пенсию, муж пьёт, сын связался со скверной компанией и т.д. Жалко бедную Машу! Голова её занята домашними бедами, где уж тут наукой заниматься. И держат Машу в штате до пенсии, а то и до смерти. О том, что на её месте мог бы работать творческий человек, стараются не думать. А рядом квалифицированный филолог-классик, автор многих статей о культуре древней Греции, переводчик философских трактатов Аристотеля, служит лифтёром, и почему-то никто не видит в этом трагедии. На мой взгляд, не случилось бы трагедии, если бы в лифтёры ушла Маша, уступив своё место более достойным.

Маш много, и беда в том, что иные из них не просто бездельничают, а чтобы закрепиться, вступают на всё ту же чиновничью стезю и путаются под ногами у других. ... Есть разные позиции: обывательская, безусловно, более низкая, чем научная; и жизненная — самая высокая. Перепутать их легко. Обывательскую точку зрения большинство и разделяет, и приветствует; жизненную же — не понимает и осуждает» (Формозов 2008: 97).

На самом деле, со многими нормальными в институте и в музеях, архивах более или менее «Машами» А.А., конечно, вполне искренне уважительно общался. Но стоило ему печатно отметить псевдофеминистскую тенденцию в нашей науке, как большинство учёных дам обиделись, приняли на свой счёт. Таковы вообще побочные последствия публично высказанной правды.

*Евреи хлеба не сеют...» (Б.А. Слуцкий).
Этнический фактор в гуманитарной науке*

*«Третий месяц я бичую ...
Беспартийный, не еврей».*

*В.С. Высоцкий.
Речка Ваца.
1976 год.*

«Трудно быть евреем в России. Но куда труднее быть русским».

*Ю.М. Нагибин.
Тьма в конце туннеля.
1994 год.*

*«Русским людям всё же приходится куда легче, чем евреям.
Они живут в природе и в истории, а евреи только в социальной
действительности».*

*Ю.М. Нагибин.
Дневник,
1994 год.*

Куда более щекотливый по сравнению со всеми остальными, по сути табуированный в печати, но часто обсуждаемый в кулуарах вопрос — евреи в отечественной науке. Русский археолог Формозов и по нему высказался шокирующе откровенно, нетривиально, но точно. Фоном для понимания тут может служить полушутливая поговорка: «Все французы недолголюбивают евреев, но у каждого есть друг еврей». То же можно сказать почти о любом другом народе, где присутствовала иудаистская диаспора. Мемуарист с уважением и любовью пишет о десятках коллег-евреев, встретившихся на его жизненном пути. И старших, и сверстниках, и младших. Прежде всего об Якове Яковлевиче Рогинском (1895–1986), Вениамине Иосифовиче Цалкине (1903–1970), Александре Львовиче Монгайте (1915–1974), Михаиле Григорьевиче Рабиновиче (1916–2000). Отмечает, как многим был им обязан в своём становлении как учёного, да и во всей дальнейшей жизни. При этом беспощадно осуждая некоторых заядлых русаков от сохи или станка, прилавка или кафедры. Вообще, для А.А. не было важно, кто ты родом — узбек, или еврей, или русский, или ещё кто по советскому паспорту или манере поведения. Главное — какой ты учёный. Да и понятно, что помимо диаспоральной изоляции, издавна шли процессы ассимиляции, выкрестовывания многих иудеев в иноэтничной, международной среде. Особенно в науке и искусстве многие из них (начиная со Спинозы) на всю жизнь порывали с синагогой, а в России считали себя, да и были русскими по языку и культуре. «Величайший русский пейзажист Исаак Ильич Левитан родился в бедной еврейской семье». Лучшие русские поэты прошлого века

Пастернак и Мандельштам, Слуцкий и Бродский — чистокровные евреи. Никто из них не был иудеем. Я лично знаю все их стихи наизусть. А ведь есть ещё в нашей поэзии Кушнер, Рейн, Рыжий... И всё же этими трюизмами дело не ограничивается. И мемуарист это понимал точнее других.

Крайности в оценках Формозов отметал сразу: пресловутое, убогое наше российское черносотенство, взваливавшее на евреев все проблемы личности и социума, зоологично в худшем смысле этого слова. Примитивных антисемитов среди учёных немного, хотя и такие встречаются. С другой стороны, внешне не такие опасные попытки выдать этот же народ за «соль земли», единственных избранных бога наивны до иронии. Подретушированным вариантом этой тоже примитивной позиции юдофильства является попытка отрицать какую бы то ни было разницу евреев *in cogroge* в науке и остальной культуре и неевреев там же. Недавно открытый в Москве израильянами Музей толерантности очень нужен, но со временем он должен стать международным.

Выдающегося этнолога XX века Клода Леви-Стросса (1908–2009) его друзья-французы звали «типичный еврейский интеллигент» (Леви-Стросс, Эрибон: 240). Он не обижался, а старался прояснить эту мысль: «... Какие-то умонастроения присущи в большей степени евреям, чем остальным. ... Обострённая чувствительность в сочетании с неосознанным ощущением, что при любых обстоятельствах вы должны сделать немного больше, чем остальные, чтобы смягчить возможную критику. Я не отрицаю, что эта вполне объяснимая странность может кому-то не нравиться». Это, по-моему, взгляд изнутри, а взгляд снаружи представлен в рецензируемых записках. Оба взгляда отражают истинное положение дел.

Поводом высказаться по «еврейскому вопросу» для нашего мемуариста послужила фигура писателя и литературного критика Аркадия Викторовича Белинкова (1922–1970). Формозов общался с ним в 1960-х годах, до его эмиграции. Получилось так, что пухлые книги Белинкова о Тынянове и Олеше, переполненные опасных для советской власти намёков, с трудом, но выходили в свет, а куда более невинные очерки Формозова об охране памятников культуры тогда же пропали в дебрях цензуры. Почему? Вот выводы мемуариста: «Ничего из того, чем обладал Аркадий, не было у меня: ни стиля намёков ..., ни цепкости бульдога, ни людей, стремившихся мне посодействовать. ... Здесь сыграло роль характерное для евреев свойство — взаимная поддержка. Белинков был кумиром еврейского околотературного мира — человек яркий и в то же время больной, пострадавший [от незаконных репрессий]. Многие хотели ему помочь. Эта типично еврейская черта часто вызывает раздражение. Я, напротив, нахожу её замечательной. Если меня что и отталкивает в евреях, то не их взаимная выручка, а обыкновение смотреть на наши дела свысока и со стороны, будто всё это — порождение чужого общества, некоей низшей культуры, а сами они не входят в это общество и не возвращены той же средой» (С. 228).

Как видно, Формозова не пугала пресловутая корпоративность евреев, их взаимопомощь — на фоне известной разобщённости русских и других больших наций. Эта черта — поддержка себе подобных — ему как раз симпатична. А.А. мечтал, чтобы взаимная поддержка стала правилом академической жизни. Независимо от национальности и прочих культурных различий учёных. Осуждал он в евреях другое: родившись и прожив всю жизнь в этой стране, впитав её культуру, многие из них так и не приняли её как свою, внутренне дистанцировались от неё. Продолжая воспринимать себя в России по принципу «мы» / «они».

К сказанному я бы добавил излишнюю серьёзность учёных евреев, дефицит среди них самоиронии (неподражаемый юморист Михаил Михайлович Жванецкий — единственное исключение), склонность к саморекламе, преувеличению своих заслуг. Любой их доктор наук — выдающийся учёный. Любой аспирант — будущий Гриша Перельман. Тезисы и брошюры у них — учёные «труды». Любят, умеют учить, но склонны и поучать, вести за собой, не спрашивая согласия ведомого. Великий русский поэт, героический фронтовик, организатор литературы Евгений Михайлович Винокуров (сын еврейки и русского) как-то на даче показал юному приятелю: «Вон Богат ⁷ ходит с таким видом, будто это он Винокуров, а не я Винокуров» ⁸.

Можно долго и нудно уточнять, что напыщенных задавак сколько угодно встречается среди учёных любой национальности; что многие евреи, вопреки саркастическому стиху моего любимейшего автора Бориса Абрамовича Слуцкого, сеют хлеб, не лысеют и храбро воюют за эту или другую родину, но особенность евреев среди других специалистов вряд ли стоит отрицать. Как социально-психологическую тенденцию, конечно, а не тотальный приговор. Всё равно сказанного здесь об этой прослойке кадров советской / российской науки никто из нашего академического, университетского фольклора не вытравит. Что такое здесь тенденция? Априорный настрой души. Менталитет то бишь. Ну, это как на Олимпийских играх: отобраться туда могут спортсмены любых народов, но ведь ясно, кто

---

⁷ Евгений Михайлович Богат (1923–1985) — советский журналист. Работал сотрудником газет: «Советская Осетия», «Вечерняя Москва», «Строительная газета», «Ленинское знамя» и других. С 1964 года — обозреватель отдела коммунистического воспитания «Литературной газеты». Автор книг для детей с претензией на философичность: «Вечный человек» (1970); «Что движет Солнце и светила» (1978), «Ахилл и черепаха» (1979); «Понимание» (1983) и других в том же сентиментальном роде, включая «Избранное» (1986).

Для современного читателя тут заключается смысловая и этическая дилемма: восторгаться ловкостью автора, который уже тогда под флагом коммунистического воспитания пытался привлечь внимание к общечеловеческим вечным ценностям? Или поморщиться от этой же официзированной как-то ловкости при вполне авторитарном, застойном политическом режиме?

⁸ Сергеев А. Omnibus. М., 1997. Цит. по: Евгений Винокуров: жизнь, творчество, архив. М., 2000. С. 101.

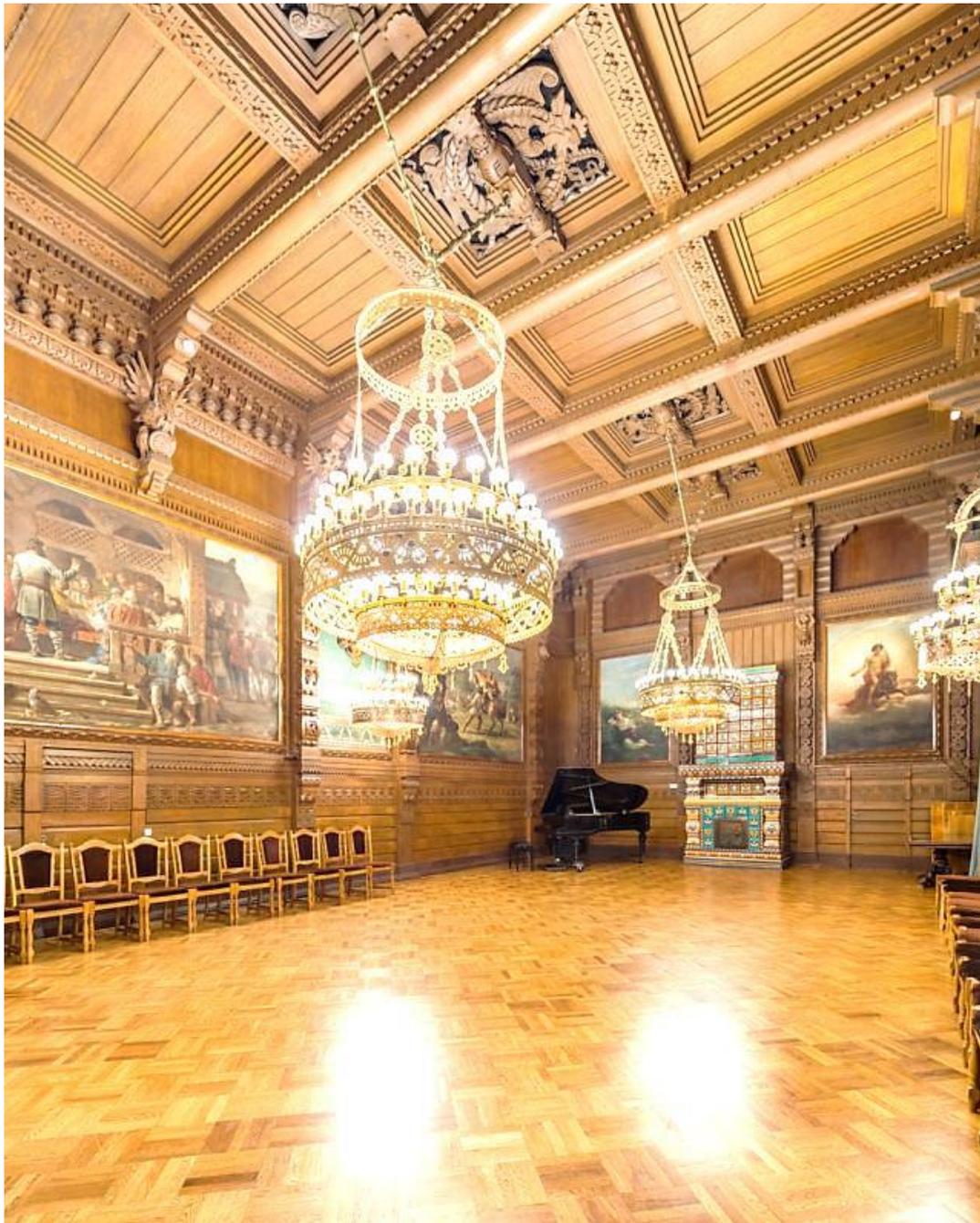
сейчас соберёт больше всех золотых медалей... «Они» (учёные евреи) заранее чувствуют себя чемпионами. Им судейство не требуется. Медали себе делаем сами. Почти сплошь золотые. Таковы в своём большинстве наши учёные евреи. Или же «подъевреивающие» лица, по определению моего учителя профессора Подкорытова. Геннадий Алексеевич, как и я, дружил с несколькими университетскими евреями, но в целом знал им цену. Те в ответ зачислили его в «чёрные полковники» (определение М.С. Кагана) философского факультета ЛГУ, хотя Геня Подкорытов вернулся с фронта без ноги, на протезе, всего лишь рядовым, с одним-единственным орденом Отечественной войны II степени.

Правда, и среди нобелевских лауреатов евреев абсолютное большинство, хотя шведскую академию трудно заподозрить в сионизме. Но мы (я с моими учителями, Подкорытовым и Формозовым) и не отрицаем повышенной склонности и часто способности евреев к науке, особенно теории. У очень и очень многих из них награды вполне заслуженные. Речь о другом: стиле повседневного общения лиц, далёких от величия Эйнштейна или же Ландау. Тот же Леви-Стросс сочувственно цитирует Жозефа де Гобино (1816–1882), «который не был антисемитом, считал евреев искателями по своей природе, стремящимися заполучить богатства этого мира — "будь то знания или золото"» (Леви-Стросс, Эрибон: 240).

Отдалённые предпосылки еврейской самозаносчивости, я догадываюсь, кроются в их религии⁹. Насчёт цивилизационной роли религий прав старина Тойнби: перед нами — идейная матрица соответствующей цивилизации (она же в ином смысле культура). Потому что каждая вера сложилась именно такой, чтобы с её моральной помощью соответствующий народ выжил бы при сколь угодно жестоком кризисе. От тех социумов, что не выжили, погибли, живых религий не осталось. Евреи первыми придумали: никто, кроме нас. В смысле не услышит заветы Бога. Это их и вывело из египетского, римского, германского, советского плена. Отсюда и пошли талмудисты. Моисей, Каифа, Троцкий, Жаботинский — несть им числа. На одного из их последышей я с коллегами нарвался как-то в дворцовом зале, окаймлённом чудными панно с живописными старорусскими сценами.

---

⁹ Это моё предположение блестяще подтвердилось научными открытиями последних лет. Евреи в массе своей показали наивысшие результаты при тестировании интеллекта среди народов Земли. Историки и генетики спорят о причинах рекорда: то ли ограничения на владение землёй и на государственной службе подтолкнули средневековых евреев диаспоры к ростовщичеству, и финансовая деятельность развила их математические способности; то ли, наоборот, раввинистическая форма иудаизма, возобладавшая после окончательного разрушения Иерусалимского храма, внедрила в еврейство поголовную грамотность мужчин и навыки начётнического толкования Торы, которые и позволили многим евреям преуспеть в банковском деле, а не в земледелии или ремесле. Как бы там ни было, результат налицо: большинство современных интеллектуалов — евреи. См. подробнее: *Уэйд Н. Неудобное наследство. Гены, расы и история человечества*. М., 2018. С. 291–292.

Дубовый зал (изначально — большая столовая) дворца великого князя Владимира Александровича Романова, с 1920 года и донныне Дома учёных Санкт-Петербурга.

Интерьер сохранился до наших дней практически без изменений. Стены столовой покрыты лепниной, искусно имитирующей резьбу по дубу, благодаря чему облик зала напоминает о традиционном национальном искусстве узорочного украшения деревянных изб. В декоре столовой были использованы и другие элементы, характерные для убранства старинных русских зданий: богатая резьба пилонов, занавеси из небесного цвета полотна, расшитые русскими узорами, отделка потолка и стен под дерево, служившее основным строительным материалом на Руси. В оформлении зала широко использовалась живопись. Пять живописных полотен, выполненных художником Василием Петровичем Верещагиным, украшают стены Дубового зала.

По южной стене, левой от входа, на трёх картинах – «Бой Добрыни со Змеем Горынычем», «Илья Муромец на пиру у князя Владимира» и «Алёша Попович в борьбе с Пугариным Змеевичем» — изображены русские богатыри. Их объединяет служба в Киеве у князя Владимира. В былинах двор киевского князя «Владимира Красное солнышко» олицетворяет всё положительное и противопоставляется опасному, внушающему страх: тёмным лесам, высоким горам, быстрым рекам. На дальней от входа стене висят ещё две картины В.П. Верещагина – «Солнечное божество» (Осень) и «Дева-заря». Все картины написаны на специально заказанном грубом холсте, масляными красками, не имеют никакого блеска, а потому напоминают старинные шпалеры. О назначении помещения рассказывали посетителям расположенные ранее на бирюзовом фризе меткие народные поговорки и пословицы: «Что есть в печи, всё на стол мечи», «Хлеб, соль ешь – да правду режь» и другие. О пиршествах напоминают также головы хищных животных, волков и лисиц. Короче говоря, самая русская Россия кругом. Фольклорная, понятное дело.

Осенью 2011 года я участвовал во всероссийской конференции, одной из составлявших традиционные «Дни Санкт-Петербургской философии». Организовал её философский факультет СПбГУ, а пленар проходил в Доме учёных на Дворцовой набережной, в красочном дубовом зале этого бывшего великокняжеского дворца¹⁰. Большинство докладчиков были, понятное дело, петербуржцами, ещё только пара-тройка провинциалов, включая меня, и один москвич из Института философии РАН и Высшей школы экономики, некто П-с. Невысокий, плотный, он после каждого доклада поднимал руку, но не для того, чтобы задать вопрос, как остальные слушатели. Нет, он размеренно вставал с первого ряда, величаво оборачивался к публике и с иронией комментировал только что произнесённый доклад. Возражая всем докладчикам пленарного заседания. Учил каждого из них уму-разуму. И так раз семь. Моя попытка привлечь внимание председательствующего, благодушного профессора с польской фамилией, к нарушению регламента — москвич говорил в общей сложности не меньше времени, чем остальные докладчики — успехом не увенчалась. Президиум не хотел ссориться с головным институтом, со столичными коллегами. Я участвовал в этих конференциях, проводивших кафедрой онтологии философского факультета университета раз в два года, уже раз пять-шесть, начиная с самой первой. Этого «москвича» видел в Петербурге первый раз. Вроде бы «не его территория». А вот поди ж ты. Души великих князей, построивших дубовый зал, наверняка улыбались нам с небес. Нет уже М.А. Булгакова, чтобы запечатлеть современные ипостаси Кальсонеров, Швондеров да Рокков. Ещё вот пригодилось зощенковское словечко «П-с». Так что Формозов и по еврейскому вопросу видел далеко, судил глубоко.

---

¹⁰ Великого князя Владимира Александровича Романова.

Оценки политических режимов в старой, новой и новейшей истории России

«Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия свои обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчётами в практической, хозяйственной жизни, хроническими недостатками предметов первой необходимости — пищи, одежды, жилья, огрублением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства и т.д., и т.п.»

*А.П. Швардовский.
Новомиргский дневник,
1966 год.*

Политические взгляды, прямо повлиявшие на историографические предпочтения и оценки А.А., были непростыми. С одной стороны, как и положено советскому школьнику, студенту, аспиранту и научному сотруднику, он осуждал тёмные стороны дореволюционного прошлого — не жаловал царизма, вообще имперской идеи и политики. Но патриотом родины был верным, искренним. Уже с рубежа 1950–1960-х гг., когда всё в истории у нас было только советским, а «история СССР» начиналась с каменного века, Саша Формозов умудрялся писать и публиковать книги о прошлом *русской* археологии, потом о каменном веке на территории *России*. Их отметили даже в эмигрантской среде как некий странный для советской цензуры симптом. Так, талантливая писательница княгиня Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) благосклонно отрецензировала его «Очерки по истории русской археологии» в парижской «Русской мысли», которую редактировала.

«Государство и общество, — решил Формозов, — не синонимы, а антиподы» (222). Получается странный лозунг: за русский народ, каковы бы ни были его недостатки, но против российского государства, и прежнего, и нынешнего?.. Почти так же считали нигилисты разных мастей, радикалы второй половины XIX – начала XX века. В этом плане мемуарист выходит если и не «красный» идеологически, то «розовый». Это позволило ему оценить и показать читателям нескольких замечательных разночинцев, сопричастных становлению отечественной археологии. Но это же помешало ему отдать должное многим родовитым, сановным её же основателям. Среди верноподданных и чиновных лиц исключение делалось А.А. только для четы Уваровых. Алексея Сергеевича и Прасковью Сергеевну историограф ставил исключительно высоко. Однако же их придворные связи, их коммерческую деятельность, без которых в ту пору были невозможны масштабные проекты изучения древностей, этот исследователь игнорировал. Тему «Археология и самодержавная власть» стали разрабатывать уже после Формозова.

С другой стороны, мемуарист признаётся, что и его отцу, и ему самому лучше жилось и работалось бы при этом самом царизме, в указанный им как

историографом период третьей четверти XIX века. Советскую власть осуждал беспощадно. Точно так же, как «белые». «... На традиционный вопрос "Что вам дала советская власть?", я бы ответил за отца: "Ничего хорошего. Всё, что у меня есть, я получил бы из без неё, не сталкиваясь при этом со множеством мерзостей"» (23). Быстро испарились у начинающего археолога остатки иллюзий насчёт социализма: «Жизнь без наживы — заветная часть»; «жильё, образование давали бесплатно»; «лечили бесплатно», «в санатории все ездили ежегодно» и тому подобные слоганы его не прельщали. Потерянными во многом оказались поколения, которые почти весь свой век, лучшие свои годы простояли в вечных очередях за самым необходимым; протеснились в коммуналках; получали собственную комнату на седьмом десятке лет, как Формозов старший; которых бесплатно лечили от недугов, которыми и награждал их же репрессивный режим; а главное, те миллионы сограждан, что потеряли родных и близких ни за что в результате массовых и ежегодных репрессий. Так что тоталитаризм советского типа мемуарист оценивал трезво и откровенно ненавидел — в отличие от многих современных политологов, объявлявших его выдумкой врагов России.

Отмечал ветеран нашей науки и противоречивость реформ 1990-х годов. Дав свободу слова и передвижения, они сделали нищими науку и культуру. Усилили бегство умов и других капиталов из России. Привели к власти второразрядных деятелей всё той же советской, коммунистической выделки. В Польше, восточной Германии провели чистку государственных учреждений от бывших коммунистических функционеров. В нашей стране, с горечью отмечал Формозов, ни тени люстрации. Поэтому, в частности, внешне демократические формы организации науки остаются в России коррумпированными. Гранты РГНФ, РФФИ распределялись, на его взгляд, далеко не всегда справедливо, в узком кругу нескольких администраторов от академии да высшей школы (Об этом же язвительно написал в своём академическом романе «Соловьёв и Ларионов» (М., 2009) доктор филологических наук Е.Г. Водолазкин). Уже после кончины Формозова даже эти фонды закрываются (как РГНФ) или же теряют в финансировании (как РФФИ, который не получил дополнительных субсидий после присоединения к нему «опций» почившего РГНФ; обещание главы правительства объединить их бюджеты не было выполнено; наконец, дамоклов меч бюрократии занесён над РФФИ, который хотят «оптимизировать» в пользу РНФ; принципиальные возражения РАН софистически отменяются помощником президента А. Фурсенко ¹¹). И тут предвидел Формозов: научными фондами правят не учёные, а чиновники. Они урезают субсидии на науку и называют это «сокращением дублирования», «оптимизацией».

---

¹¹ См.: Ликвидация под запретом. Будут ли объединены научные фонды // Российская газета. 2019. 10 сентября.

Получилось, из огня да в полымя попали деятели русской культуры, науки после её десоветизации.

Рецепты выхода из этой ситуации поначалу показались мне у учителя идеалистическими: спланировать ячейкам гражданского общества наподобие редакции «Нового мира» при А.Т. Твардовском или труппы первой любимовской «Таганки»; русских биологов, не покорившихся дичайшей лысенковщине; коллективу Института истории материальной культуры 1940–1950-х годов, сумевшему сплотиться и возродить нашу археологию после репрессий и войны; некоторым похожим объединениям по душам и благородным целям. После массовых митингов и протестов в столице 2011–2012 годов, летом 2019 года, усиления гражданского контроля добровольцев над выборами в Москве и других крупных городах, рекордно низкой явке на выборы 2016 года там же и в других мегаполисах мне подумалось: «А может, Формозов был прав?»

Откровенность против двуличного лицемерия

*«... Мать ... молвила:
— Дружно ... живите.
Но как жить? Как же жить?»*

*М.А. Булгаков.
Белая гвардия.
1924 год.*

Сквозной вопрос, звучащий в этих мемуарах: «Как же жить?»¹². В условиях то ли самодержавного абсолютизма, то ли красного террора, то ли советского застоя, то ли бандитской «демократизации», то ли постсоветской «стабильности». Любому непредвзятому читателю формозовских воспоминаний будет увлекательно и полезно искать вместе с автором ответа на этот кардинальный вопрос. Противникам же формозовской критики, которая суть искренняя и глубокая рефлексия крупного мыслителя-гуманитария, ответ на этот вопрос ясен. Не высовываться, не раздражать начальство, «ложиться» под любой авторитет. В общем, быть Молчалиным ради того, чтобы со временем стать Фамусовым или Скалозубом. Люди не меняются, нравы тоже. «Горе от ума» и совести — рефрен формозовских воспоминаний и размышлений.

Хотя его «Записки» в какой-то своей части повторяют напечатанное при жизни автора, но они весьма существенно дополняют наше представление о личности и взглядах Александра Александровича. Точнее

---

¹² Вряд ли Александр Александрович сознательно повторил здесь фразу из первого романа М.А. Булгакова. Скорее, непреднамеренный рефрен выдал потаённую формулу российской интеллигенции на разных этапах её выживания и служения. Хотя произведения этого писателя А.А. знал текстуально, нередко цитировал.

говоря, автор неоднократно заимствовал из своих рукописных «Записок» материалы для книг, статей, некрологов, выходявших в 1980–2000-е годы. Но и в изданных сейчас воспоминаниях и размышлениях преобладающая часть текста публикуется впервые, а те сюжеты, что перекликаются с прижизненными публикациями, в «Записках» даны, как правило, шире, подробнее и откровеннее.

*А.А. Формозов в летний период. Усадьба Поленово.
Фото из семейного архива.*

И, чтобы закончить с датировкой этих мемуаров, отмечу, что, болея на старости лет всё больше и больше физически, Александр Александрович психологически и интеллектуально избежал, на мой взгляд, того возрастного кризиса, которым были отмечены биографии его отца, и деда, и дяди по матери, известного орнитолога А.Н. Промптова (1898–1948). Точнее, он сознательно, планомерно обманул свою генетическую судьбу, несколько раз в моменты душевного спада, разочарования в окружающих и в себе самом, меняя тематику исследований и манеру письма. Руководствуясь при этом завидной логикой: писать о том и так, как ему в тот или иной момент больше всего нравилось по натуре, к чему влекло с ранних пор. Вот в чём оказалось его противоядие от житейских потерь и ударов судьбы: «Героев своих надо любить», будь то у археолога охотники на мамонтов финального палеолита Восточной Европы или строители русской археологии позапрошлого века. А когда одни герои покидают твою душу, найти для себя новых. Не всем этот рецепт подойдёт, но для формозовской природы он оказался спасительным. Так, полевая археология эпох камня и бронзы (1940–1950-е) сменилась в его

научной биографии историей и теорией первобытного искусства (1960–1970-е), а та — историографией отечественной науки (1970–1990-е). Наконец, пришла пора высказаться публично о самом главном в его представлениях учёного и гражданина — об этике и психологии науки, миссии российского учёного (1990–2000-е). Тут уже пришлось не только любить героев-современников, но и не любить, разоблачать антигероев вокруг себя. А это тоже мотив для творчества у пожилого, больного и разочарованного, но не сломленного человека.

Разумеется, между этими отрезками формозовской интеллектуальной биографии оставалась преемственность; на каждом новом этапе он возвращался к чему-то из прежних сюжетов, и эти возвраты знаменовались статьями и даже книгами. Но об отходе от прежней тематики автор честно и гласно предупреждал коллег и читателей. Работы по всем этим направлениям готовились и иногда публиковались им как до, так и уже после очередной смены исследовательских пристрастий. Так что каких-то интеллектуальных метаний, душевных катаклизмов в его учёной жизни не заметно. Каждое новое направление исследований вызревало в недрах предыдущего исподволь (любимое формозовское словцо!). Свои итоговые, самые важные для него книги он подготовил и напечатал (Формозов 2006), вместе с основательно доработанными переизданиями (Формозов 2000; 2007), как раз за последнее десятилетие своей жизни. Все, кто лично общался с ним в 1990–2000-е годы, подтвердят, что его память оставалась всё такой же огромной на имена и события, восприятие собеседника, а суждения живы и остроумны. За месяц до кончины, предельно ослабев после длительного пребывания в клинике, он дал мне интервью и нашёл силы его выправить в корректуре печатного издания, словаря «Историки Курского края»¹³.

* * *

ИНТЕРВЬЮ А.А. ФОРМОЗОВА (данное С.П. Щавелёву 12 декабря 2008 года)

Дорогой Александр Александрович! Повод взять у Вас интервью самый что ни на есть законный — скоро, под самый конец уходящего 2008 года, Вам исполняется 80 лет! Я уверен, что десятки людей, и старших, и младших наших коллег, будут искренне рады сердечно поздравить Вас с юбилеем и от души пожелать Вам здоровья и благополучия. Предыдущий Ваш юбилей — 75-летний — был отмечен публикацией сразу двух — в Москве и в Санкт-Петербурге — посвящённых Вам сборников статей археологов и историков, написанных по Вашим, формозовским темам. О некоторых из них же давайте поговорим сейчас. Как водится в юбилейных разговорах с учёными, вопросы к Вам напрашиваются и лично-биографического, и проблемно-тематического плана. Начну с традиционной жизненной

---

¹³ Курск, 2009. С. 434–443.

ретроспекции. В своих книгах и статьях, особенно вышедших в 2000-е годы, Вы уже затронули немало автобиографических моментов: и о родителях, и о выборе пути в науке, и об учителях в Московском университете и в академических институтах, и о развитии Ваших исследовательских интересов. Тем не менее не грех кое-что повторить и дополнить

Попробую ответить на вопросы.

Итак, предлагаю начать с начала Вашей интеллектуальной истории. Средняя школа. Вы учились в ней во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х годов. Что сохранилось в памяти? Хорошего или плохого? Как повлияли учителя, товарищи по классу на Ваш гуманитарный выбор?

Я учился в трёх школах. Сначала в рядовой московской № 70. Потом два года в Актюбинске. Наконец, в образцовой № 110 снова в Москве. Я опоздал с приездом из Казахстана к началу учебного года. Приехал в декабре. Год пропал. Школа № 110 была подшефной МГУ. Отец пошёл к директору, и он меня взял. Школа Нансеновская (потом имени Зелинского) была образцовой, учителя хорошие. Об одном из них — И.И. Зеленцове вышла сейчас книга. Но школу я не любил и мало чем ей обязан. Отталкивали официальщина, показуха, ложь.

Как признавались Вы в написанной Вами биографии отца, Александра Николаевича Формозова, он, вполне понятно, мечтал увидеть в сыне, то есть в Вас, свои собственные качества — натуралиста, испытателя природы, охотника и следопыта. Ваше равнодушие к живой природе, её обитателям, его поначалу огорчало. Идти наперекор родительской воле, особенно в благополучной семье, нелегко. Как определился Ваш выбор факультета в университете? Какое отношение к этому выбору имели родители, возможно, другие родственники и близкие к Вашей семье люди?

Мой интерес к истории связан с её возвращением в число преподаваемых предметов. Выходило много книг, «Библиотека исторических романов». Была выставка в Третьяковке «Русская историческая живопись». В театрах пьесы о Суворове, Кутузове, Иване Грозном. Это и заинтересовало. Отец свёл меня на истфак МГУ, где был кружок для школьников. Так и пошло. Отец хотел другого, но не препятствовал.

У советских подростков, конечно, городских, первым «университетом», как мне показалось, что называется, на собственной шкуре, был двор. Не было домофонов на парадных дверях, шприцы наркоманов не валялись по подъездам, все террористы сидели по лагерям, дети после уроков допоздна шлялись на улице. Интеллигентные мамы отзывали своих чад со двора пораньше, часов в 9 вечера. Дворовую школу воспели наши «барды», Окуджава и Высоцкий. Первый лиричнее, второй драматичнее. Вы обходили дворовую компанию стороной или как-то в ней участвовали?

Двор в моей детской жизни роли не играл.

Этнограф Владимир Рафаилович Кабо в своих эмигрантских (из Австралии) мемуарах вспоминает, в том числе, и Вас — студента

исторического факультета МГУ. О большинстве своих старых знакомых он отзывается зло, пристрастно, но вот о Вас студенте — уважительно. А Вам кто особенно запомнился по студенческим годам? Кто из однокашников оказался Вам ближе по интересам, складу личности?

С Кабо я знаком с университетских лет. Когда он вернулся из лагеря, помогал ему с защитой. Потом мы встречались в Звенигороде, где он жил, снимая коттедж у академика С.Л. Соболева, а мы — в пансионате. С ним была уже вторая его жена Лена. Мы много гуляли, беседовали. Отсюда и его отношение.

Курс, где я учился, большой, человек двести. В основном демобилизованные. Шли сюда, ибо химфак или физфак — труднее. В основном на кафедру истории КПСС или истории СССР периода социализма. От этой группы — отчуждение. Были хорошие ребята — В.Б. Кобрин, В.Л. Янин, но истфак вспоминаю без любви.

Вам, ещё студенту-старшекурснику, сделали «предложение, от которого невозможно было отказаться» (казалось бы) — приступить к преподаванию на историческом факультете, возглавить специализацию студентов-археологов по каменному веку, после безвременной кончины М.В. Воеводскому кадрово оголётной. Вы тактично отказались. Не пожалели? В результате МГУшная школа палеолитчиков оказалась к сегодняшнему дню довольно бледной...

Не жалею об отказе иметь дело с МГУ. Положение с преподаванием каменного века плохое. Янин взял в штат и возвёл в доктора наук невежественную и нахальную Н.Б. Леонову. Моей вины в этом нет.

Выбор академического института выпускником истфака Формозовым чем был обусловлен? В какой степени Ваши ожидания совпали с реалиями этого «храма науки»?

Я мог пойти по окончании МГУ или в музей (ГИМ, антропологии), или в ИИМК. «Храм», конечно, не ахти. Но это скопление ведущих специалистов. О выборе не жалею.

Опыт археологического поля, руководства раскопками был ли безусловно необходим Вам в дальнейшей исследовательской работе? Вы вспоминаете о своих крымских и кубанских экспедициях с сожалением или с ностальгией?

Я как экспедиционный работник не очень силён. Но поездки в Крым и на Кавказ вспоминаю с удовольствием.

«Голодный Старый Крым»... Кажется, это Волошин. Каковы Ваши воспоминания об этом замечательном полуострове? Случайно или нет, так совпало, что и Ваша супруга, известный историк античной культуры Марианна Казимировна Трофимова (урождённая Узунова) — уроженка Ялты?

Выбор Крыма и место рождения М.К. не связаны.

Вы несколько раз в Ваших книгах упоминаете о себе как о прирождённом холостяке. Вместе с тем все Ваши последователи и

посетители Вашего дома пользуются гостеприимством Вашей супруги Марианны Казимировны. Как это вообще вышло с Вашей женитьбой? Если вопрос покажется Вам чересчур личным, пошлите меня куда подальше — и я туда пойду...

Установки и привычки холостяка, каким я был до пятидесяти лет, у меня остались. С М.К. знакомы были много лет. Сошлись в очень трудные для меня годы. Она меня поддержала. Её помощь и забота обо мне неизменны. Я только благодаря ей выжил в этом году.

Она не во всём принимает мою позицию по части историографии археологии, но считает, что я вправе её иметь и отстаивать.

Честно сказать, как-то не вяжутся с Вашей сегодняшней фигурой те Ваши действия в молодости, что вспоминают Ваши товарищи — Абрам Давыдович Столяр, Игорь Сергеевич Каменецкий — вот Саша Формозов бросается купаться в каждой встреченной на экспедиционном пути речке; вот он выходит к ночному костру чужой экспедиции с рюкзаком на плечах... А потом Ваши поездки по всем петроглифам СССР... Выходит, Ваш отец поспешил огорчиться Вашим равнодушием ко внегородской, экспедиционной жизни?

В юности был и весел, и задирист, и бесшабашен. Рассказы реальны.

Александр Александрович Зимин. Что связывало Вас с этим человеком? Почему до сих пор не изданы его воспоминания «Храм науки»? ¹⁴ Автор ведь определил и Вас в число своих литературных душеприказчиков. И Вы достойно отработали этот завет, впервые опубликовав фрагменты из зиминской версии «Слова о полку Игореве» в «Вопросах истории». Что конгениально Вам, а что чуждо в фигуре и характере А.А. Зимины?

С Зиминим меня познакомил Монгайт как раз в момент создания его «Слова». Что-то я ему подсказал, чем-то я ему понравился. Общее между нами — преданность науке, стремление служить ей, не оглядываясь на ситуацию. Человек был умный, знающий, думающий. Мемуары его не изданы, ибо реакция была бы та же, что и на мои книги последних лет издания ¹⁵. Людей, готовых заняться его делами, уже нет. [Владимир Борисович] Кобрин (1930–1990) умер. [Реджинальд Васильевич] Овчинников [1928–2008] инвалид-колясочник. Я не историк.

Вам пришлось писать некрологи, статьи, отзывы, причём сугубо положительные, доброжелательные о многих своих старших коллегах и ровесниках. А о ком не довелось такого написать? Кого ещё Вы упомянули бы одобрительно, тепло среди наших археологов, историков, других

---

¹⁴ Свершилось всё-таки героическими усилиями Анны Леонидовны Хорошкевич: Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., Аквариус, 2015. 440 с. (URL: <http://pimbook.su/pimbook.su/Zimin438.html>).

¹⁵ И это пророчество Александра Александровича сбылось. Шквал откликов против и в защиту публикации «Храма науки» см. в журнале «Отечественные архивы» за 2016 год и на ресурсах Интернета.

гуманитариев старших поколений? Ведь они, как говорится в сегодняшней телерекламе, этого заслуживают.

Было немало достойных людей. Хотел подробно написать о Замятнине, Иессене, Грязнове. Кого-то ценил, но знал мало — Артамонова, к примеру. О многих написали без меня в Санкт-Петербурге.

Чем можно объяснить притягательность Вашей личности для коллег младших поколений? Вы ведь не располагали властью администратора, издательскими возможностями. Скорее, наоборот, находились в опале у начальства. Тем не менее Вашего общения всегда искали многие археологи, что моложе Вас; Ваши публикации были нарасхват в нашей среде; Вам совершенно добровольно посвящали сборники статей, даже похвально-шутливые стихи (А. Сорокин). Сегодня отзывами на Ваши книги пестрит Интернет (где живёт в основном молодёжь). Короче, в чём секрет Вашей популярности среди археологической, да и прочей научной молодёжи?

Популярности у меня никогда не было. С самого начала очень отрицательно относились ко мне в Ленинграде. В Москве считали карьеристом. Молодёжь побаивалась. Но я многим давал — темы, материал для работ; дарил книги. Так что постепенно отношение менялось. Сейчас я уже никому не нужен.

В своих историографических работах Вы делите своих учителей (в широком смысле этого слова), точнее говоря, всех старших коллег, на две группы — несколько упрощая, но и проясняя — хороших и плохих. И в научном, творческом, и в житейском, моральном планах. Безусловно хороши Замятнин, в основном хороши Пассек, Фосс, Воронин, Монгайт; более хороши, чем плох, Киселёв; более плохи, нежели хороши, многие другие; безусловно плохи ещё кое-кто. Такое ранжирование идёт наперекор общепринятой в научной корпорации системе оценок предшественников. Оценок, конечно, почти сплошь комплиментарных. То есть за глаза, вне печатной строки, почти все археологи не прочь посудачить о самодурстве Рыбакова, идейном авантюризме Окладникова, прочих недостатках бывших научных начальников. Поясните, пожалуйста, ещё раз, какими Вы видите критерии оценки личностей и научного наследия наших предшественников?

Надо различать две стороны. Одна — вклад в науку. Многие сделали полезное дело — копали, издавали и т.д. Другое дело — линия поведения. Хорошие специалисты порой вели себя плохо. В моей книге «Человек и наука» в основном речь о второй стороне.

Ну, и наоборот, относительно других фигур из новейшей истории российской археологии — вроде Пиотровского, Артамонова, Ляпушкина, Третьякова, Рогачёва, некоторых других — мы с Вашей лёгкой руки признаём прежде всего их заслуги, нравственную стойкость этих личностей, а какие-то их же недочёты списываем на трудные времена их работы. Это и есть «гамбургский счёт» в историографии?

О нравственной стойкости Б.Б. Пиотровского говорить вряд ли можно. Остальные сделали много полезного, а вели себя по-разному.

Недавний съезд археологов России в Суздале был посвящён 100-летним юбилеям трёх академиков — Рыбакова, Окладникова, Пиотровского. В пленарных докладах о каждом из них говорилось только хорошее. Мы что, обречены на такую историографическую полуправду? Вынесет ли время более справедливый вердикт?

Думаю, что окончательных вердиктов не будет никогда. Симпатии и антипатии останутся.

У Вас, помню из предыдущих разговоров, есть своя периодизация развития отечественной археологии. Воспроизведите её, пожалуйста, ещё раз, хотя бы вкратце.

Периодизация в схеме такова. 1) Период разрозненных наблюдений; 2) Организация научных работ по плану Петра I на базе Академии наук; 3) Период дворянского дилетантизма; 4) Сложение археологических учреждений — ИАМК, РАО, МАО; 5) Предреволюционный период. Съезды. Систематизации Городцова и Спицына. Преподавание; 6) Распад империи и кризис науки; 7) НЭП; 8) Создание ГАИМК как центра. Марр и его «новое учение», стадиальность. Централизация; 9) После войны. Усиление московской группы. Издание книг. Восстановление системы отчётов и т.д.; 10) Распад. Новосибирский центр. Неудача «Сводов археологических источников» и «Археологии СССР»; 11) Наука в загоне и постепенное возрождение её. Роль провинциальных центров.

«Пушкин. Тайную свободу пели мы вослед тебе» — с этими строками Блок сошёл в могилу. Чем вызван, чем поддерживался Ваш повышенный интерес к фигуре первого поэта России? Не жалеете ли, что променяли пушкиноведение на археологию?

Большую роль сыграл пушкинский юбилей 1937 года. С тех пор любовь к эпохе Пушкина и декабристов. Мог бы и заняться ею.

Ваше увлечение балетом, вообще театром пошло от влияния родственника актёра? Припомните, пожалуйста, Ваших любимых деятелей сцены.

Увлечение балетом имело ряд причин. Балет на очень высоком уровне. Гениальная Уланова. Балет как пример преемственности с начала XIX века. Я увлёкся балетом ранее нашего знакомства с А.Д. Грачом. Он поставлял билеты в Мариинку в дни моего приезда в Ленинград. Знал его мать — балетного педагога [Лидию Михайловну] Тюнтину, балетоманов той поры и их кумиров (Тарасюк и Федичева). Помимо Улановой, ценил в Санкт-Петербурге Ольгу Моисееву, в Москве Ермолаева, в отдельных партиях Плисецкую.

Как-то на фуршете в Институте философии РАН я спросил у Вадима Львовича Рабиновича: «Кто ваш любимый поэт?» Он ответил: «Конечно, я. Затем Хлебников». А у Вас, Александр Александрович?

Кто любимый поэт? Остаюсь верен классической традиции. Пушкин, Лермонтов, Тютчев. Городецкий, Высоцкий, Вознесенский и т.д. чужды.

Как Вы оцените такую тему историографического исследования: «Археологические темы в русской поэзии»? Подскажите наиболее выигранные имена в этой связи...

Тема «Археологические мотивы в русской поэзии» любопытна. Конечно, «Курган» А.К. Толстого. И.Б. Брашинский говорил мне, что его друг составил антологию стихов о раскопках в Крыму и она очень интересна. Вероятно, Бобров с его «Херсонесидой». Сейчас им очень интересуются. Видят в нём даже предтечу Маяковского, но для меня он бездарный Бибрис. Вероятно, Зайцевский с его «На раскопках Херсонеса». Но что может показать такая антология? Зависимость художественных представлений от развития науки? Это и так ясно.

Какие фигуры, периоды, школы в истории русской археологии Вы считаете незаслуженно обойдёнными историографическим вниманием?

Тем много. Сейчас в моде локальные обзоры, вроде вашего ¹⁶. У нас была аспирантка Жукова по тверской археологии ¹⁷. Я руководить ею не стал, руководил Мерперт. Кое-что ей всё же дал. Читал её диссертацию. Любопытные моменты есть, и общие, и частные. Я за такие работы.

Ведя с Вами эти беседы, я выступаю в роли самозванца. Не будучи ни Вашим коллегой по Институту археологии, ни даже москвичом, оставаясь провинциалом; не археологом, а философом... И тем не менее Вы некогда, а именно в 1980 году, охотно и подробно откликнулись на моё письмо с вопросами о раскопках Сизова и Самоквасова; с тех пор постоянно консультировали меня, редактировали мои публикации в журнале и составлявшихся Вами историографических сборниках. Как я скоро выяснил, кроме, до и после меня к Вам прибилося ещё десятка два относительно молодых исследователей из разных городов нашей страны, даже с Украины. Все мы по несколько раз в году бываем у Вас в гостях, ещё чаще переписываемся, созваниваемся. Что заставляло Вас уделять такое внимание, по сути дела, посторонним людям? К тому же очень разным по характерам, уровню культуры...

Привлекательность не во мне, а в том, что когда-то я что-то мог: издать, помочь с защитой. Теперь меня выгнали, шеф историографии Пряхин ¹⁸ издаёт сборники. И люди пойдут к нему.

Ну, не все историки археологии так-таки и пойдут куда-то ещё. А что, по-Вашему, заставляло Ваших последователей раз за разом прибегать к Вашим консультациям? Когда вполне можно было бы, казалось, обойтись и без них?

Без моих консультаций обойтись можно, что люди и делают. Но почему бы не взять у человека что-то, если не отказывает?

---

¹⁶ «Первоткрыватели курских древностей».

¹⁷ См.: Жукова Е.Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 2005.

¹⁸ Анатолий Дмитриевич Пряхин (1939–2018) — профессор Воронежского государственного университета.

Если не считать Ваших книг, первую систематическую историю русской археологии составил Глеб Сергеевич Лебедев. Вы отозвались об этом его труде сочувственно, он упомянул Вас в нём благодарно. После его безвременной кончины петербургские коллеги успели переиздать его книгу о викингах на востоке Европы, а вот курс историографии не успели. Стоит ли его переиздать? Что придётся в этом случае пояснить и дополнить?

Книга Лебедева. Неплохая по замыслу, плоха по исполнению. Куча ошибок и неточностей. Всё это надо исправить, но автора нет. Санкт-Петербург вроде бы хотел переиздать книгу. Я не против.

В продолжение некоторых предыдущих вопросов: Вы довольны тем, что сделали в историографии те специалисты, что объявляют себя Вашими учениками, последователями? Чьи работы Вам понравились больше из этого неформального формозовского кружка? (Мои-то Вы и похваливали, и поругивали местами — за дело, то есть фактические ошибки, методологические изъяны).

Из вышедших за последние годы книг этой тематики хороши сводка Ирины Владимировны Тункиной, «300 лет сибирской археологии» [Владимира Ивановича] Матющенко, «Оленин» [Алексея Николаевича] Файбисовича.

Чем Вы можете объяснить повышенный интерес к археологической историографии? Почему вслед за Вами в 1980 – 2000-е годы ею занялись совершенно разные люди в различных центрах науки и образования? В результате к сегодняшнему дню практически о каждой губернской учёной архивной комиссии защищено по диссертации. Много работ по истории археологии разных регионов России, немало биографий археологов прошлого. Как, кстати, Вы оцениваете качество этих публикаций последнего времени?

Интерес к истории науки связан с интересом к прошлому страны, её культуре. Хочется понять, что мы имеем, что потеряли, что стоило бы развивать.

Вы написали послесловие для книжки Вити Бердинских из Кирова (Вятки) об истории русского кладоискательства. Мне довелось её рецензировать для журнала «Российская археология», и я, как Вы знаете, оценил эту работу сугубо отрицательно — как позорный призыв к молодёжи грабить национальные древности. Почему Вы согласились поддержать своим авторитетным именем столь сомнительное издание?

Я считаю «Кладоискательство» Бердинских — неудачей, хотя у автора есть и хорошие книги («Вятские историки», «Провинциальные историки» [«Вятлаг» — С.Щ.]). Вашу рецензию считаю справедливой. Бердинских писал мне и задавал вопросы в ходе работы. Я старался его направить. То, что он не использовал, указал в послесловии. Книга при интересе к теме успеха не имела. Он пытался её переиздать, но не вышло. Ну и ладно.

Ваш убедительный голос прозвучал на «круглом столе», проведённом несколько лет назад в редакции «Российской археологии» и посвящённом анализу криминальной, так называемой «чёрной археологии». Каковы Ваши

оценки её сегодняшней экспансии? Что посоветуете предпринять, чтобы спасти для науки и культуры хотя бы остатки памятников национальной археологии?

Деятельность «чёрных археологов» вредна. Попытки противостоять им малоэффективны. Надо продолжать это дело по спасению национального культурного наследия. Нужен указ правительства, без чего не обходится ни одно дело.

Чем обусловлен Ваш скептицизм относительно попыток разработки теории и методологии археологии? Вроде нескольких книжных «кирпичей» Л.С. Клейна...

Я за развитие теории археологии, но слишком часто то, что выдаётся за теорию, это просто болтовня. Стремление придать себе вес и т.п.

Если вернуться к биографической канве нашей беседы — что для Вас Москва? «Город, знакомый до слёз» или надоевший мегаполис, где за хлебом, допустим, надо выезжать куда-то на метро. Потому что на Ленинском проспекте, где Вы живёте, цены на всё повседневно необходимое запредельные... Москва какого исторического времени Вам ближе?

Москву люблю той, что застал в детстве, болезненно воспринимаю уничтожение её специфики. Но что поделать? Идёт объективный процесс.

Мне остаётся поблагодарить Вас за терпение и благосклонное отношение к моим вопросам. В заключение я только повторю моё глубочайшее убеждение в том, что авторизованную Вами запись нашей юбилейной беседы с патриархом русской археологии с интересом прочтёт множество профессионалов и любителей археологии, и вообще гуманитарной науки.

Итак, до новых встреч и бесед, дорогой Александр Александрович»¹⁹.

---

¹⁹ Это интервью оказалось последней работой А.А. Формозов. 31 января 2009 года он скончался.

Марианна Казимировна Трофимова (1926–2016)²⁰. Фото из Википедии.

* * *

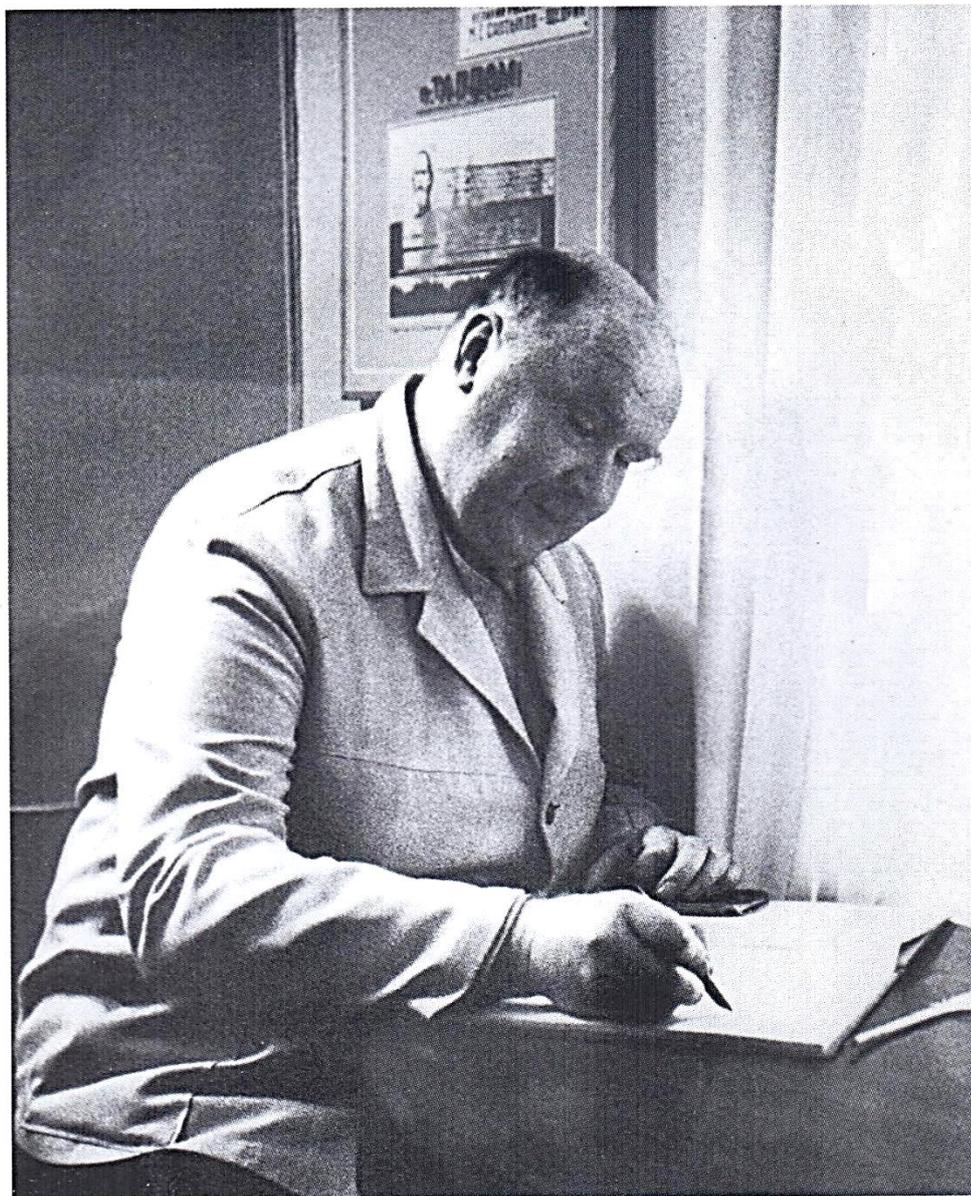
Вдова учёного Марианна Казимировна Трофимова, а также его коллеги по Институту археологии, в первую очередь Алексей Николаевич Сорокин и в особенности Сергей Владимирович Кузьминых, проделали огромную работу по изданию рукописи «Записок». Они умудрились найти спонсоров, прежде всего — автономную некоммерческую организацию содействия сохранению историко-культурного наследия страны «Наследие», оплативших это, весьма качественное полиграфически, издание. Правда, в нём нет привычных и даже необходимых для этого книжного жанра атрибутов. Не помешали бы именно указатель, список сокращений. Однако такого рода справочное оснащение могло и задержать издание, чем при нынешней инфляции и ненадёжности финансирования культуры рисковать не стоило.

Опечаток в книге многовато. Например, в последнем абзаце на странице 79 — четыре подряд. Причём в простых выражениях. Корректорша тульской типографии, где печаталась книга, в ряде случаев оплошала.

---

²⁰ *Марианна Казимировна Трофимова* (урождённая Узунова) — российский историк, коптолог, доктор исторических наук; с 1957 года долгое время трудилась в Институте истории АН СССР (Институте всеобщей истории РАН); затем, с 2006 — ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ. Преподавала коптский язык в Свято-Тихоновском богословском институте, МГУ и РГГУ. Перевела и дополнила «Введение в коптскую грамматику» Д. Пламли. Автор работ по эпохе эллинизма, раннему христианству и гностицизму. Наибольшую известность получили её труды, посвященные коптским гностическим текстам. Прежде всего — «Историко-философские вопросы гностицизма» (М., 1979). Перевела «Пистис Софию» и несколько апокрифических евангелий — от Фомы, от Филиппа, от Марии, Апокриф Иоанна.

Например, сокращение от Владислава — Владик, а не Владек» (это польски). «Негоже» — наречие, пишется вместе. В слове «бессребреник» не нужна третья буква «с». Запятых, тире недопоставлено немало. Передоверилась тульская корректорша рукописи уважаемых учёных. Сам мемуарист скрупулёзно исправлял своей авторучкой с излюбленной чёрной тушью все опечатки в даримых коллегам своих сочинениях. Теперь этого сделать некому.

*А.А. Формозов работает в музее-усадьбе М.Е. Салтыкова-Щедрина в селе Спас-Угол Шалдомского района Московской области.
Фото из семейного архива.*

Книга иллюстрирована портретом мемуариста (на форзаце), очень выразительно передающем его натуру: А.А. конспектирует архивный документ в музее-усадьбе М.Е. Салтыкова-Щедрина (помещён здесь чуть выше). Имеются фотопортреты почти всех крупных персонажей этих

воспоминаний, а также «рабочие моменты» (как говорят археологи) тех экспедиций, собраний, конференций, где участвовал А.А. Прекрасные иллюстрации.

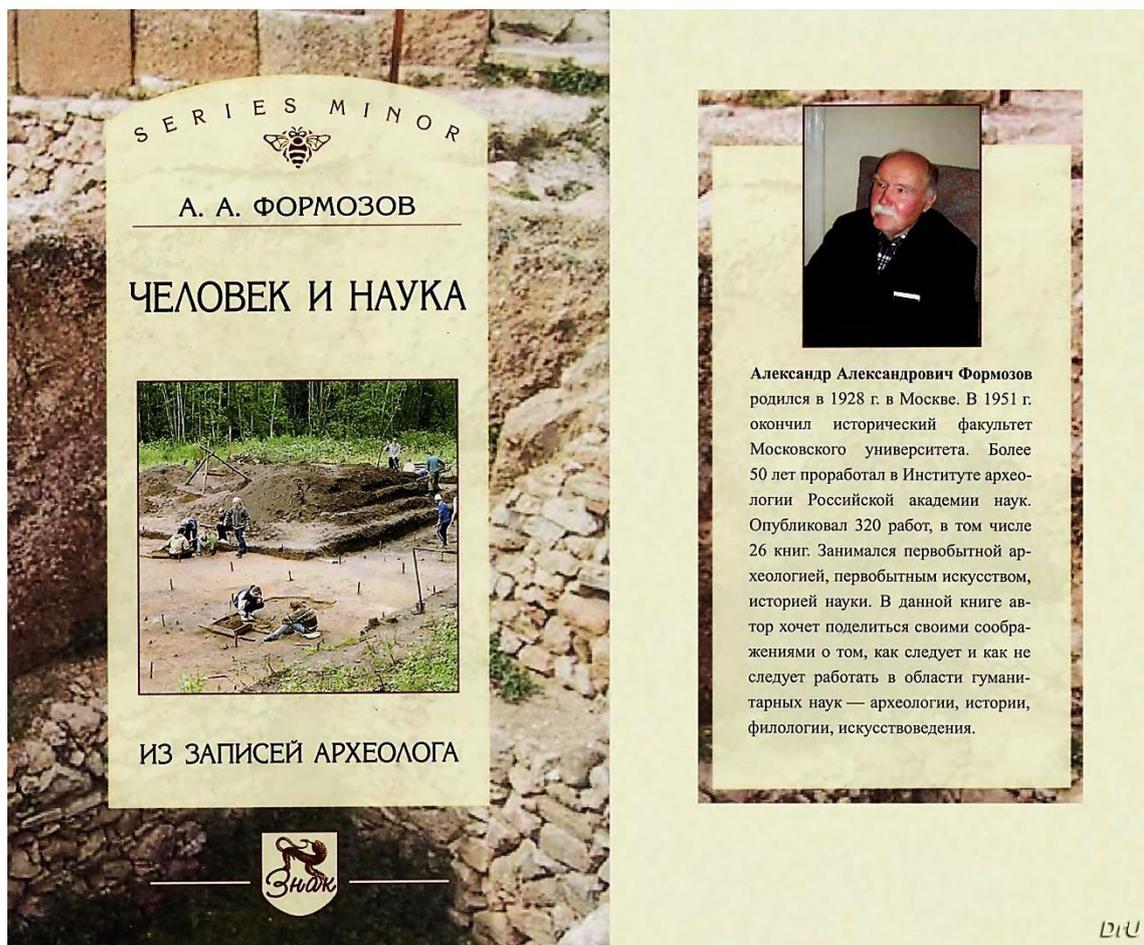

*Могилы Л.Н. и А.А. Формозовых на Армянском кладбище Москвы.
Участок 5. Фото 23 октября 2012 года.
Фото с сайта: moscow-tombs.ru*

Археографическая справка предельно краткая. Из неё узнаёшь, что «текст "Записок" приводится по рукописи (машинопись с авторской правкой и дополнениями от руки), хранящейся в архиве А.А. Формозова. Автор работал над "Записками" вплоть до своей кончины, доведя повествование до 2000-х годов. Часть текстов, входящих в состав "Записок", публиковалась при жизни А.А. Формозова в различных изданиях» (5).

Остаются вопросы. Будет ли эта и другие рукописи учёного переданы в какое-либо государственное архивохранилище? В посмертных «Записках» он выражает надежду, что те его рукописи, что он сам сдал в архив Института археологии, когда-нибудь будут напечатаны. Производились ли в рукописи купюры? В увидевшем свет тексте воспоминаний даже при самом внимательном чтении не заметно никаких пропусков. В самых откровенных и острокритичных местах имена названы подробнее, чем в прижизненных изданиях; оценки лиц и событий производят впечатление полной авторской аутентичности. Но надёжнее всё это проверить по архивированной (когда-нибудь?) рукописи.

Так что необходимо от всей души поблагодарить Марианну Казимировну и всех её сподвижников за образцовое по содержанию и форме, предельно скорое по времени обнародование итогового труда Александра Александровича.

Мемуарист поделился с нами одним из своих исследовательских замыслов. Название для этой ненаписанной работы впечатляет: «Дерево, из которого режут королей». Так называлось одно из произведений Генрика Ибсена. Формозов же задумывал сравнить образы пяти историков стартового периода нашей гуманитарной науки — М.Т. Каченовского, Н.С. Арцыбашева, Н.А. Полевого, М.П. Погодина, С.М. Соловьёва. С 1818-го (выход в свет «Истории государства Российского» А.Н. Карамзина) и до 1851 года (публикация первого тома соловьевской «Истории России с древнейших времён»). Каждый из отмеченных авторов пытался дать собственный синтез отечественного прошлого, но после Карамзина это удалось только Соловьёву. Мешали или помогали учёным как их личностные качества, так и политическая обстановка? Мемуарист под этим же углом зрения подытоживает и персонифицированный путь российской и советской археологии за весь период их существования и эволюции. Имена одних гонителей науки (вроде царских обер-прокуроров или советских инструкторов ЦК) забудутся, имена иных корифеев запомнятся своей замаранной репутацией. Мемуаристу особенно дороги те немногие коллеги, в очень сложных условиях моральным нормам не изменившие (184–185).

Из столь же редкого и ценного материала, как и его любимые герои в науке и жизни, была изготовлена натура русского археолога и мыслителя Александра Александровича Формозова. Таких личностей в каждой области науки на весь XX век — раз-два и обчёлся. Вот у них и нужно учиться, в меру сил каждого из нас, тому, «как же жить».

Литература

1. Брюсов А.Я. 2012. На тропах археологии. Воспоминания / Сост. С.В. Кузьминых, С.П. Щавелёв. М. – Курск: КГМУ.
2. Добролюбский А.О. 2009. Одесса одного археолога. СПб.: Нестор-История.
3. Жуков Д.А. 2014. Стой, кто ведёт? Биология поведения человека и других зверей. Т. 2. М.
4. Кияшко В.Я. 2007. Полвека археологии и кое-что ещё // Донские древности 8. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.
5. Клейн Л.С. 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История.
6. Клейн Л.С. 2014. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия.
7. Клейн Л.С., Щавелёв С.П. 2011. Александр Александрович Формозов (1928–2009). Послесловие. Курск: КГМУ.
8. Ковалёва И.Ф. 2008. Жизнь, проведённая в могиле. Исповедь археолога. Днепропетровск: Арт-Пресс.
9. Леви-Стросс К., Эрибон Д. 2018. Издалека и вблизи. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха.
10. Массон М.Е. 1974. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент: УзФАН.

11. Мерперт Н.Я. 2011. Из прошлого: далёкого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус.
12. Молодин В.И. 2006. Меч Каролингов. Новосибирск: Инфолио-пресс.
13. Мурзин К.И. 2014. Жизнь. Рассказы о минувших летах. М.: Центр учебной литературы. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог: 1945–1954 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. 2009. М.: ИА РАН. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог: 1545–1959 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. 2010. М.: ИА РАН. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог: 1960–1964 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. 2011. М.: ИА РАН. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог: 1965–1968 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. 2013. М.: ИА РАН. кандидата исторических наук А.А. Формозова / Отв. ред. А.Д. Столяр 2003. СПб.: СПбГУ.
14. Панях В.М. 2000. Творчество и судьба историка. Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин. Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. 2004. М.: ИА РАН.
15. Родоман Б.Б. 2011. Шеф и его подруга. Любовь на кафедре и в лаборатории (Сексуальное шефство и карьера женщин в научных учреждениях). Психосоциологический трактат. Смоленск: Ойкумена.
16. Тункина И.В., Щавелёв С.П. 2013. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии // Эпистемология & философия науки. Ежеквартальный научно-теоретический журнал. XXXVIII. М.: Канон. 235–240.
17. Формозов А.А. 1995. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // РА. 3. 225–232.
18. Формозов А.А. 1996. Русские археологи и политические репрессии 1920 – 1940-х гг. // РА. 3. 191–206.
19. Формозов А.А. 2000. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука.
20. Формозов А.А. 2004. Вокруг пещеры Староселье // Формозов А.А. Рассказы об учёных. Курск: КГМУ. 90–106.
21. Формозов А.А. 2005. Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак.
22. Формозов А.А. 2006 а. Русские археологи в период тоталитаризма. Изд. 2-е, доп. М.: Знак.
23. Формозов А.А. 2006 б. Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста. Изд. 2-е, доп. М.: Т-во научных изданий КМК.
24. Формозов А.А. 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Изд. 2-е, доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси.
25. Формозов А.А. 2008. Статьи разных лет. Курск: КГМУ. Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. 2010. М.: Гриф и К.
26. Щавелёв С.П. 1994. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж.
27. Щавелёв С.П. 2006. Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). Курск: КГМУ.
28. Щавелёв С.П. 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов (Курский «филиал»). Курск: КГМУ.
29. Щавелёв С.П. 2009. Интервью А.А. Формозова (данное С.П. Щавелёву 12 декабря 2008 г.) // Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск: КГМУ. 434–443.

30. *Щавелёв С.П.* 2012. *Участь прогрессора (Л.С. Клейн. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., Нестор-История, 2010. 730 с.) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб. – Красноярск. 193–201.*

31. *Щавелёв С.П.* 2013. *Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990 – 2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. В двух кн. Курск: КГМУ.*

321. *Щавелёв С.П.* 2012. *Власть археологии и археология власти (Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: ИА РАН. 2011. 592 с. // Российский археологический ежегодник / Под ред. Л.Б. Вишняцкого. 2. СПб.: СПбГУ. 765–780.*